

Муссалитин Владимир Иванович

В ясном небе

Повесть

Повесть о подростке, который становится свидетелем гибели самолета, но это не поколебало его мечты стать летчиком. И вот друг погибшего пилота берет его в учебный полет... Много внимания автор уделяет отношениям между ребятами, школьному коллективу. Действие повести происходит в начале 50-х годов в рабочем поселке.

I

Парта Сергея Мальцева, ученика шестого класса, в первом ряду. Самая первая. И под самым окном. Многим хотелось бы сидеть тут. Не потому, конечно, что парта стоит первой (на первой труднее списать, но Сергею этого и не нужно - своя голова пока соображает). Парта хороша тем, что стоит у окна. Надоело смотреть на доску, смотри в окно. Делать, конечно, это нужно умело, так, чтобы учитель не заметил. Там, за окном, чего только не увидишь!..

Сергею, например, очень нравится его место в классе. Вот сейчас можно встать и открыть форточку - занимаются они уже третий урок, в классе душно, - а, самое главное, он посмотрит: какое там небо?

- Анна Ванна, я форточку открою, - вдруг предлагает Сергей, - прямо дышать нечем.

- Что ж, открой, - соглашается она, недовольная тем, что Сергей прервал ее объяснения.

Форточка, окаянная, как нарочно, поддается с трудом. Рамы новые, хотя школа старая, штукатурка снаружи обвалилась, и видать черные бревна и мох в пазах... Обещают новую школу построить.

Но что-то там туго с деньгами. Так что, видимо, другим ребятам учиться в новой школе, а уж никак не Сергею. Жаль, конечно.

Форточка наконец поддалась, и по голове Сергея, забираясь за пазуху, щекоча спину, прокатился ком морозного воздуха. Сергей приподнялся на цыпочки, жадно заглатывая воздух, радостно и шумно вздыхая. Небо за окном чистое. Синее. Просторное. Сегодня уж точно будут летать. День вон какой!

- Спасибо, Мальцев! Садись!

Сергей нехотя отпрянул от окна, за которым разгорался прекрасный мартовский день, нехотя перевел взгляд на рыжую доску, по которой математичка торопливо стучала мелом, показывая решение новой задачи. Хоть и понимает Сергей - нужна летчику математика, но не может сосредоточиться, слушать внимательно. Чувствует, стал каким-то рассеянным. Хотя рассеянность эта летчику совсем ни к чему. Она даже вредна ему. Рассеянными могут быть академики и писатели. Летчик должен быть всегда собранным, готовым в любую минуту ко всяким неожиданностям.

Сергей снова выглянул в окно. Посреди неба разволакивался белый волнистый след. "Летают!" - встрепенулся Сергей. Он знал, что они будут сегодня летать. Сергей привалился к спинке парты, чтобы получше видеть, чтобы иметь побольше обзора. Появился самолет, похожий на тонкую серебристую палочку. Он стремительно вкатился в середину неба и прямо тут же начал яростно кувыркаться и крутиться, блестя металлом на солнце. Он то падал с неба и неся к земле, то почти у самой поверхности выравнивался и начинал круто, почти отвесно забираться наверх.

"Во дает!" - подумал радостно Сергей. Он представил себя на месте летчика и то, как он держит штурвал, нажимает кнопки и как самолет послушно выполняет его приказания. Штурвал от себя - вниз, штурвал на себя - вверх. И ветер, один только ветер свистит и течет

по крыльям. И вокруг только небо, в котором ты один, в котором никто ни в чем не мешает тебе. Ах как это должно быть хорошо! Падать и парить! Падать и забираться круто, отвесно вверх, зажмурив глаза, дыша тем незнакомым и, конечно, особым воздухом поднебесья, чувствуя свою ловкость, свою силу.

- Ты чего дергаешься, - прошептал жалобно сосед Тальянов, отодвигаясь на край парты.

- Глянь, что он выделяет, - шумно выдохнул Сергей.

- Кто?

- Реактивный!

- А, - сказал Тальянов и осторожно покосился на окно.

- Во, во. Видел?

- Что там, Мальцев?

- Анна Ванна, там самолет, реактивный. Фигуры высшего пилотажа делает, - сказал Сергей, испытав при этих словах необъяснимую гордость. Будто бы тот пилот - его напарник. Будто они там в небе попеременно, друг перед другом стараются.

В классе разом зашумели, все подались к окну.

- Тише, дети, тише, - укоризненно сказала учительница. - Вы что же, самолета не видели? А ну по местам! И смотрите на доску. И ты, Мальцев, тоже. Кто собирается стать летчиком, математику должен знать на отлично. Без геометрии не взлетишь и не сядешь. Она всему основа.

Шумилина любила свой предмет и не упускала случая лишний раз подчеркнуть все достоинства точных наук. Сергею от этого порою становилось скучно. Неужели полет этих прекрасных машин держится только на точных расчетах? Что-то есть и помимо них...

Самолет тем временем успел исполосовать небо вдоль и поперек. Белый инверсионный след за самолетом тянулся, как нитка за иголкой. Самолет круто забирался вверх, становясь все тоньше и меньше. "И как только летчик выдерживает, - подумал Сергей. - Даже вот так просто, когда следишь за ним, и то голова кружится. А у него, летчика, и подавно". Но у Сергея, например, голова крепкая. Летом, после четвертого класса, он в пионерском лагере был. Тушил костер палкой, размахнулся что есть силы и по затылку себя чесанул. Там, на конце палки, корявый сук был. Кровь ручьем текла. Когда он прибежал к лагерной врачихе Серафиме Ефимовне, она заохала, заохала - заколыхалась большим телом. Таким он страшным, видать, был. Врачиха смазала рану йодом и целый час зашивала. Так он за все время даже ни разу не вскрикнул. Правда, потом целую неделю с забинтованной головой ходил. Но зато все ребята смотрели на него с уважением. А повариха тетя Поля, как раненному, каждый раз в обед добавку компота давала. Будь у него голова слабой, так он бы тогда, в лесу, сознание потерял. А он хоть бы хны!

Но где же самолет? Сергей поискал глазами. Самолета нигде не было видно. Должно быть, он уже отлетал положенное и вернулся назад на свой аэродром.

Реактивные над их поселком появились в ту зиму впервые. Ясный день они тут как тут. И летают себе, кувыркаются, оставляя в небе белые завитушки, черкая, полосуюя небо. Одни улетят - на их место другие. Юрка Должиков из десятого класса сказал, что у реактивных здесь зона, что они тут фигуры высшего пилотажа отрабатывают. Юрке можно верить - он сам в городе в аэроклубе занимается. За ними, десятиклассниками, каждую субботу в двенадцать часов зеленый аэроклубовский автобус приезжает. И они вшестером важно садятся в него - и привет! И с уроков их всегда отпускают. Директор им ни слова. Как-то всю школу послали в колхоз сорняки полоть. Поблажек ни для кого не было, а ребят и тут отпускали в аэроклуб. Вот ведь жизнь какая у них. После прыжков с парашютом всегда белым хлебом с маслом кормят, сверху еще и сахаром посыпают. Для того, чтобы они в весе не теряли. Весной, рассказывал Должиков, они самостоятельно начнут летать.

Сергей вздохнул. Завидовал он Должинову и его друзьям. Он тоже, когда пойдет в десятый класс, в аэроклуб запишется. Сергею вдруг становится весело при этой мысли. Он будет летать! Будет!

Снова показался самолет. Реактивный был так высоко, что казалось, будто стоит на одном месте. "Хорошо ему там", - подумал Сергей о летчике. Он представил себе его. Конечно, молодой, красивый. И смелый. Представил так ясно и отчетливо, что увидел и лицо пилота. Доброе. Сильные люди злыми не бывают. Глаза веселые, зорко всматриваются в многочисленные приборы...

Сергею казалось, что над их школой всегда бывает один и тот же самолет. И быть может, он прилетает сюда не случайно, быть может, пилот догадывается о том, что в этой школе учится он, Сережка Мальцев, который тоже будет летчиком.

Сергей не спускал глаз со своего самолета. Вот он сверкнул на солнце и, словно с отвесной горы, помчался вниз. Все ниже, ниже, ниже, с каждой секундой увеличиваясь в размере. Вот уж и совсем низко. Так низко, что видать и крылья, и хвост. Но что же это он делает? Ведь он может врезаться в землю. Сергей ощутил тревогу и холод в груди. Вот он уже над самым лесом. Или летчик не видит? Да что же он... Сергею показалось, что синие зубья елок, стеной стоявшие за поселком, будто бы торопливо раздвинулись, пропуская самолет. В лесу тяжело бухнуло, грохнуло, землю тут же тряхнуло, стены школы качнулись, затренькали стекла.

- Он упал! - крикнул Сергей, выскакивая из-за парты.

Шумилина от испуга уронила мел:

- Мальцев! Батюшки, что с тобой?

- Он упал. Летчик на реактивном...

Сергей рванулся к задней парте, где стояла вешалка, где висела его старая фуфайка.

- Мальцев, ты куда? - удивилась Шумилина. - Уж не в лес ли?

Сергей выдернул из-под груды одежды фуфайку и, закусив губу, бросился к двери.

- Сережа, - нерешительно окликнула Шумилина.

Но он уже не слышал. Он сейчас думал только о нем. Там, в лесу, летчик! Его летчик, который, быть может, лежит в снегу, которому нужна помощь.

Сергей слышал, как сзади хлопают парты, как ребята, шумя и толкаясь, следом за ним выскакивают из класса.

II

На станции у переезда урчали зеленые вездеходы. Их было три. "Уже успели приехать", - подумал Сергей. Полосатый шлагбаум тотчас дрогнул, пропуская машины к лесу.

В кузовах вездеходов тесно, спиной к бортам сидели солдаты в серых бушлатах, в шапках-ушанках. Сергей решил выскочить наперерез машинам и прицепиться за какую-нибудь. Он научился цепляться за машины прошлой зимой, когда мать наконец купила ему коньки. Катка у них в поселке не было, пруд всю зиму был завален снегом, потому они бегали по дороге, цепляясь самодельными проволочными крючками за кузова проходящих машин.

Он вообще-то сделал правильно, срезав угол, но зато бежать пришлось по целине. Хоть сверху наст был жестким, Сергей все же то и дело проваливался и набрал полные валенки снега. Он выскочил к дороге, но последний вездеход, обдав его холодной снежной пылью, уже скрылся за поворотом.

Он хотел выиграть, бросившись сюда, напрямик, а теперь выходит, что все ребята обошли его. Все. Даже Тальянов. Надо же. Тальянов и то будет там, у самолета, раньше его.

Сергей вытер лицо шапкой и бросился догонять ребят. Он бежал теперь мимо длинного забора "Заготзерна". Под низкими крышами складов, как нанизанные на нитку, жались друг к другу голуби. Он никогда не думал, что вокруг "Заготзерна" такой длинный забор. Но где же он будет искать в лесу самолет? Да и как сами солдаты найдут его? Лес ведь такой большой! До самого Энска идет! И еще дальше - до Белоруссии. В этих лесах во время войны партизаны от немцев прятались. Фрицы даже лес термитными снарядами жгли, чтобы

партизан выжить. Сколько таких горелых мест они с ребятами находили. Целые поляны. И никакие деревья там до сих пор не растут. Зато, правда, много ягод. И все крупные, сладкие.

"Вездеходы, должно быть, пошли по дороге на Будановку, - думал на бегу Сергей. - Значит, самолет упал где-то там".

По большаку до Будановки километров семь, но тут должна быть другая дорога. По ней будановские ребята ходят к ним в поселок в школу. В Будановке только семилетка. Другая дорога почти в два раза короче. Она, правда, не в самую Будановку ведет, всего лишь на Уваренку, но это уж совсем рядом. А может быть, самолет и упал где-нибудь между Будановкой и Уваренкой?

Хотя в лесу ветра не было, дубовые листья, скрученные в трубочку, шуршали так, словно кто-то тер их между пальцами. Сергею вдруг показалось, что на этой дороге он не один. Он догадался об этом по свежим отпечаткам новых галош. Шаги у бежавшего были широкими. Но кто бы это мог быть? Кто? Впереди, оказывается, пер Баранов.

Он шел, как паровоз, отваливая на сторону белые клубы пара. Серега-то думал, что только он один сообразит бежать этой дорогой. Он совсем забыл, что Баранов ходил сюда за бронебойными патронами. Потом и им это место показывал. Видимо, здесь, в лесу, у немцев склады с боеприпасами были. Каких только патронов они не находили тут! Сергею больше всего нравились трассирки, когда те со свистом вылетают из костра. Совсем как на войне. Вокруг темень, и лишь трассирки красными пунктирами прочеркивают ночь. Ну и Баранов! Первым захотел у самолета быть.

Серега надал. Сердце отчаянно колотилось. Баранов, видимо услышав его, оглянулся и затопал еще быстрее, петляя, как заяц, между деревьями. Ну и зараза!

Баранов был старше Сергея и выше на целую голову. К ним, в шестой, он пришел по второму разу. Он дальше всех бросал на физкультуре гранату. Быстрее всех бегал по кругу. По физкультуре он был круглым отличником. А так вообще из двоек не вылезал. Сергей не помнил, чтобы Баранов когда-либо к доске выходил. В самом начале урока предупредит: меня не спрашивайте. И потом весь урок сидит себе, шурится хитро. И безразлично Баранову, что там ему за его отказ поставят. Кол или двойку.

Но зато как ходит Баранов на лыжах! Это надо видеть. Поначалу он все это делает с неохотой. Вяло продевает валенки в ремни. Вяло трогается с места, раскачиваясь, как гусь, из стороны в сторону, слабо попикивая палками. Всем даст обойти себя. Ну и ребята, конечно, стараются, выкладываются, потеют, как мыши. И вот тут-то Баранов вдруг как накатит, как пойдет стучать своими палками по задникам лыж, требуя дороги, разбрасывая зазевавшихся по сторонам. И, как всегда, первым финиширует.

С Барановым тягаться пока рановато. У них в школе ребята даже в восьмом классе ниже Баранова ростом и, вообще, в плечах поуже. Сан Саныч их школьный физрук как-то сказал: "Я тебе, Баранов, советую метанием молота заняться. Из тебя отличный метатель выйдет". Ну и Баранов рад стараться. Каждый день в портфеле с собой гирию приносит. На перемене прикрутит к этой гирие проволоку - и молот готов. Теперь к гимнастическому бревну и не подойти - там Баранов тренируется. Очертит круг - и давай крутиться с этой гирей на проволоке. Крутится, крутится, потом как швырнет. Даже не смотрит, куда летит его молот. Раз было Женьку Машина из третьего класса чуть не пришлепнул. Гирия пролетела мимо уха, а проволока по лицу Женьку крепко мазанула. Бедный Женька чуть зайкой не остался.

Неужели он не догонит Баранова? Как назло, и в бок закололо. И тут вдруг неожиданно Баранов притормозил. "Что-то там заело у него? Ага, калошу потерял", - радостно подумал Сергей.

- Дорогу! - крикнул он, настигая Баранова, но тот встал, как каменная стенка. Не объехать, не обойти. Не в снег же лезть! И Серега толкнул Баранова, рассеявшегося со своей калошей. Оглянувшись, он увидел, как тот погрозил кулаком. Но теперь он был не страшен. Серега вдруг почувствовал, что Баранову не догнать его. Бок отпустило, и обрадованный Сергей еще сильнее заработал локтями, выбросив совсем Баранова из головы, снова думая о

летчике, о его серебристом самолете. Бог с ним, с самолетом, - новый построят, сам был бы жив. Даже если и ранен, не страшно. Лишь бы был жив...

Дубняк кончился. Открылась Останина поляна, куда они ходили весной за щавелем. Дорога пошла вниз. Где-то здесь слева должен быть лог, в котором весной уйма всяких первоцветов, подснежников, куриной слепоты. Но больше всего Сергею этот лог запомнился своими березами, что стоят поверху, по скату. Выберешь самую высокую, самую гибкую, заберешься на верхушку дальше уже и лезть некуда - и, крепко сцепив пальцы на стволе, бросаешься вниз! Как на парашюте! Приземлишься, толкнешь слегка ногами землю, переберешь быстро руками по стволу и плавно пойдешь кверху.

Сергей услышал где-то сбоку урчание вездеходов и очень обрадовался этому.

"Но если самолет упал в одном месте, - подумал Сергей, - то летчик на своем парашюте должен приземлиться в другом". И эта догадка охладила его. Самолет тяжелый, а летчик легкий, его обязательно в сторону отнесет. Он вспомнил, как прыгают из реактивных самолетов. Совсем не так, как из обычных. Если в обыкновенном самолете фонарь отбросил, вылез на крыло и прыгай, то тут не выйдет, потому что у реактивного совсем другая скорость. Там, если высунешься, голову запросто оторвет воздушной струей. На реактивных специальные приспособления - катапульты поставлены. Они выстреливают летчика! Как из пушки! Вместе с сиденьем! Так и летишь, поджав колени к подбородку. Потом сиденье отпадает и летит само по себе, а летчик сам по себе.

Уже чувствуется запах бензина от вездеходов. Да вот и они сами! Сергей даже хотел закричать: "Милые, подождите, возьмите меня!.." Вездеходы двигались по лесу медленно, словно на ощупь, забирая почему-то вправо, к Уваренке. Хотя Сергей своими глазами видел, что самолет упал левее, ближе к Будановке. Нужно им сказать, а то они весь день проищут тут без толку. Сергей нагнал вездеходы, однако кузова их были уже пусты. Солдаты, должно быть, повыпрыгивали на ходу и разбежались по лесу, ища летчика и самолет. За вездеходами бежать не было смысла. Сергей заметил рядом, в осиннике, следы больших солдатских валенок. И бросился по этим следам. Их становилось все больше, они складывались в тропинку, которая уходила в глубь леса. Сергей ринулся туда. Но вдруг кто-то громко окликнул его.

Сергей вздрогнул. Вроде бы никого не было видно. Но тут он заметил в стороне у дерева узколицего солдата с коричневым лицом.

- А ну, назад! Живо!

Сергей хотел было сказать, что он пришел показать им то место, где нужно искать самолет, потому что, кроме него, никто не знает этого.

И они могут проискать тут до самой ночи. А он своими глазами видел, куда падал самолет. Но солдат грозно и неотвратимо надвигался на него. Бежать навстречу солдату было глупо, и он прыгнул в сторону.

- Стой! - закричал солдат.

Сергей вдруг вспомнил, что за спиной у солдата автомат. А вдруг стрельнет? Ему стало страшно. Но тут он подумал, что все-таки по таким, как он, не стреляют. Он же не взрослый. И он не шпион.

Солдат не стрелял. У него был другой план. Сергей слышал, как солдат, тяжело сопя, задевая автоматом деревья, бежит следом за ним. И Сергей думал, что было бы лучше, если бы солдат что-нибудь крикнул ему, чем гнаться вот так молча. Но тут он увидел, что бежать дальше некуда. Он неожиданно выскочил на поляну, окруженную со всех сторон солдатами. После долгого бега все перед глазами прыгало и скакало. Он только и успел разглядеть, что лесная черная земля разбрызгана во все стороны. И эту черную землю солдаты ворошили руками, ковыряя в ней лопатами. Еще Сергей заметил поваленные и порубленные деревья, еще ему показалось, что на двух сросшихся осинах будто бы трепетали легкие кисейные лоскутки. Но он не успел рассмотреть, что же это такое?

Нагнавший солдат крепко схватил его за плечо. Он попытался вырваться, но было бесполезно. Легко поддав под зад коленом, солдат повел его прочь от поляны.

И тут Сергей увидел, что по кустам уже встали автоматчики и всю гонят ребят, которые успели подбежать. Он увидел своих.

- Эй, Малец, что видел? - подвернулся Баранов.

Сергей обычно злился, когда его называли так. Хотя прозвище произвели от фамилии, и, казалось, чего уж тут обижаться. Но на этот раз его окликнул Баранов, у которого он, Серега, за сегодняшний случай был как бы еще в долгу.

Сергей хотел огрызнуться: сам сходи да посмотри, но потом передумал. Баранову так не стоит отвечать. Да и ребята придвинулись все к нему, ожидая, что он им скажет. И Сергею вдруг неожиданно захотелось соврать, сказать, что он все, все видел: и самолет, и летчика, - все равно там ведь никого из ребят не было.

Ребята ждали. А он лихорадочно соображал, что бы сказать. Но так ничего и не придумал.

- Ничего там нет, - угрюмо сказал он. - Там одна земля разворочена. И на дереве клочки какие-то...

- Ну это самолет землю раскидал, как бахнулся, - предположил Баранов, - а клочья на дереве - может, парашют от летчика. Сам-то он разбился.

На Сергея как бы накатила тяжелая волна.

- Врешь, - сказал он, - летчик в другом месте. Он успел выпрыгнуть.

- Ха! - сказал Баранов. - Выпрыгнул! Для этого высота нужна. Он вместе со своим самолетом грохнулся.

У Сергея похолодело внутри. За всю дорогу, пока он бежал сюда, ему ни разу не пришло в голову, что летчик мог погибнуть.

- Если бы даже он и выпрыгнул, - сказал Баранов уверенно, - то все равно парашют не успел бы раскрыть. К тому же у них, у летчиков, не принято бросать свой самолет. У них, как у моряков, - до последнего. Они всегда стараются самолет спасти. А тут - реактивный. Ты знаешь, сколько один самолетик такой стоит! То-то же! Сотню таких школ, как наша, даже больше.

- Я сам видел, как летчик прыгнул, - сказал Сергей, напрягаясь, удивляясь тому, что говорит.

- Бреши больше! - присвистнул Баранов.

- Видел! - выкрикнул Сергей, сам вдруг поверив в правдивость своих слов.

- Поклянись матерью, - потребовал Баранов.

- При чем тут мать! Я сам видел.

- И я видел, - сказал парень.

Сергей только сейчас заметил неизвестно откуда взявшегося маленького рыжего паренка. Сергей впервые его видел. Должно быть, потому, что этот парень был из будановских.

Баранова, видимо, озадачил такой поворот дела. Он внимательно окинул взглядом будановского парня, потом требовательно предложил:

- Ну, если видел, покажи, куда он выпрыгнул.

Парень замешкался. Но тут на помощь пришел Сергей.

- Туда, - махнул он устало в сторону солдат.

- Ага, туда, - эхом отозвался парень, подвигаясь одним боком к Сергею, как бы спеша вступить с ним в негласный союз.

- Брежете вы всё, - сказал Баранов, словно уличив их во лжи, мгновенно теряя к обоим интерес. - Грохнулся летчик со своим самолетом. Был бы жив - давно объявился. Не тайга же тут у нас.

Баранов вытащил из штанов мятую пачку "Севера". Все знали, что Баранов курит. И когда он, посреди урока, тянул вверх руку, просясь выйти, Шумилина понимающе улыбалась: "Покурить захотелось, Николай Петрович?" "Да ну что вы, Анна Ивановна, - возражал Баранов, - живот что-то болит с утра. Честное слово!" Но когда он возвращался из

уборной, от него всю несло табачищем. И хотя Баранов сидел сзади Сергея, через три парты, казалось, что он рядом - до того прокурится!

- Он тут, в лесу, - сказал Сергей. - Он, может, раненый и не может выбраться из своего парашюта, а вы языки чешете! Пошли искать, - сказал Сергей, сам удивляясь этому повелительному тону, уверенный, что ребята пойдут за ним. И ребята уже тронулись за ним следом, как в эту самую минуту над их головами, над лесом затрещал мотором двукрылый самолет. "Кукурузник"!

Уж не собирается ли он садиться? Точно! Покачал крыльями и сделал круг. Только как он сядет! Поляна не такая уж большая. Даже, наоборот, совсем маленькая. Да он, кажется, собирается сесть на дорогу?

Сергей торопливо начал озираться по сторонам. Сейчас самое время забраться на хорошее дерево, что повыше. Оттуда хоть что-нибудь можно увидеть. Сергей выбрал березу в густых ветках, в суках, с удобным оплывшим комлем и, ходко перебирая руками, от которых дерево чутко вздрагивало, осыпая его холодящим снегом, полез вверх, к самой макушке. Глядя на Серегу, и Баранов начал карабкаться по соседней березе. Но Баранов был тяжелее Сергея, а береза тоньше, пожиже его, Сережкиной, и потому на середине она начала потрескивать. И Баранов застыл, словно дятел, в нерешительности. А Серега забирался все выше и выше, перебирая руками, подтягиваясь, крепко обнимая ствол ногами, ловко прижимаясь к нему грудью, горячим лицом. При каждом новом толчке за шиворот сыпался снег, холодя тело.

Сверху, с березы, Сергею хорошо была видна и поляна, и дорога, правда, не вся, а та, что вблизи. Самолет затурхал, резко изменил свой звук, засопел и прямо прошел у него над головой, обдав ветром и поднятым с земли снегом.

Самолет, перевалив через деревья, сел на дорогу. Солдаты тотчас забегали, засуетились по поляне. Сергей обломал ветку, качнувшуюся перед лицом, чтобы получше все видеть. Тут на поляну выбежал большой и высокий человек в шлеме, комбинезоне, унтах, в поднятых на лоб очках.

По тому, как солдаты вытянулись при виде этого большого и толстого человека, было ясно, что прилетевший на "кукурузнике", может быть, сам генерал. Но толстый летчик как-то отчаянно махнул рукой, мол, к чему все это, и побежал на середину поляны, туда, где чернела яма, где во все стороны была разбрызгана земля.

- Что там, Мальцев? - нетерпеливо спросил Баранов, который ничего этого не мог видеть.

Но Сергей и сам не мог понять, что там делается на поляне, потому что открывшаяся на время поляна снова оказалась загороженной спинами солдат. Он видел, что солдаты бегают, подтаскивают на поляну охапки хвороста, ломают ветки деревьев. Затем увидел, как из-под рук ловко увернувшегося солдата, из середины кучки хвороста, тихо ударило вверх пламя.

- Костер зачем-то зажгли, - сказал Сергей.

- Костер... - удивился Баранов, - должно быть, землю оттаивают, чтобы легче копать было. Они, реактивные, глубоко в землю уходят. Ты внимательно смотри, - потребовал Баранов.

Сергей и так не спускал глаз с поляны. Он видел, как большой, толстый летчик вдруг встал на колени, чуть ли не касаясь лицом земли, потом быстро распрямился и, не глядя ни на кого, стремглав пошел сквозь деревья. Туда же, откуда появился.

По деревьям снова прошел шум. Сергей втянул голову в плечи, увидав прямо над собой лоснящиеся обрубки толстых самолетных лыж.

Самолет медленно уходил в сторону города.

- Все ясно, - сказал Баранов, спрыгивая в снег.

Нос у него посинел и еще больше выдался вперед.

- Что тебе ясно? - спросил Сергей, спускаясь со своей березы.

- Все. Нет больше твоего летчика. А потому пошли-ка лучше по домам.

- Идите, - нехотя отозвался Сергей.

Им сейчас овладело такое безразличие, что ничего не хотелось делать. Он побрел прочь от ребят. Неужели то, что говорит Баранов, - правда? Неужели больше нет этого летчика? Неужели он разбился вместе со своим самолетом? А может, он все-таки жив? Бывало же так! Сколько угодно таких случаев. Самолет падал. Разбивался. А летчик в конце концов оставался в живых.

- погоди!

Он нехотя оглянулся. Рыжий будановский парень смотрел пытливо.

- А ты правда видел, как летчик выпрыгнул с парашютом? Да?

- Ничего я не видел, - сказал Сергей. Ему стало легче от этого признания. - Но просто так он не мог погибнуть. Не мог. Он должен спастись.

Рыжий будановский парень согласно кивнул. Сергей внимательно посмотрел на своего молчаливого товарища, который безропотно следовал за ним, продолжая, как и Сергей, утопать в снегу, приваливаясь иногда к дереву, чтобы вытряхнуть из валенка.

- А ну, ребята, стойте!

Снова из-за дерева вырос солдат с автоматом.

- Старые знакомые! Вы забыли наш уговор?

- Но, дядя солдат, - сказал Сергей, - может, мы чем поможем вам.

- Пожалуй, что нет, ребята.

- Но может, он лежит в лесу и ему нужна помощь, - не отступал Сергей.

- Теперь ему уже ничего не нужно!

Сергею вдруг стало страшно от спокойных слов солдата.

- Он погиб? Да?

- Да! Погиб!

- Он не успел выпрыгнуть с парашютом? Да?

- Не успел! Так что давайте - домой.

Они пошли назад. Впереди них, перелетая с ветки на ветку, осыпая легкий снег, торопливо стрекотала сорока, словно спеша разболтать услышанную новость.

- Ну ладно, я пойду, - сказал новый знакомый, стараясь не встречаться глазами с Сергеем. - Приходи к нам на Уваренку на лыжах кататься. У нас там горки.

- Приду, - сказал глухо Сергей.

Ш

- Эй, парень, помоги-ка!

Звали, конечно же, его. Потому что поблизости никого не было.

Под вездеходом кто-то тяжело возился, и Сергей догадался, что кричали именно оттуда, из-под машины. Лица того, кто копошился под днищем машины, не было видно, лишь торчали большие серые валенки.

- А ну-ка, лезь в кабину, качни руль, - потребовали валенки.

Сергей обрадовался этому неожиданному приказу. Он мигом забрался на подножку, проскользнул по холодной коже сиденья на водительское место и, крепко впившись в руль, начал колыхать его из стороны в сторону.

- Хорош, хорош, - заворчали валенки. - Теперь тормоз нажми! Порядок!

Валенки выбрались из-под машины, и Сергей увидел длинного нескладного солдата. Солдат торопливо отряхнул свой бушлат и, складываясь пополам, словно перочинный ножик, забрался в кабину, звонко хлопнув дверцей.

Сергей не знал, что делать теперь ему. И заерзал, задвигался к противоположной дверце, намереваясь выйти.

- Сиди, - приказал шофер, - ты из поселка? Как кончим дело - довезем. У нас тут немного осталось.

Мальцев посмотрел в сторону леса. Тот уже становился сиреневым. Растворялись, теряли свои очертания осины. Там, где стояли березы, наплывал туман. Белый, зыбкий.

Ему вдруг вспомнились белые лоскутки, повисшие на осинах. Неужели это все, что осталось от летчика?

Из леса вдруг громко прокричали. Шофер нетерпеливо открыл дверцу.

- Обедать зовут. Пошли.

Сергей робко, словно боясь, что его снова погонят, поплелся за шофером. Но солдаты словно сговорились не замечать его. На поляне догорал костер, шипел, подтаивал снег. В свете костра Сергей заметил два больших деревянных ящика, доверху набитых землей. Они стояли посреди поляны. Яма, которую в первый раз заметил Сергей, была торопливо забросана снегом. Еще Сергей заметил, что поляна сплошь покрыта мелко посеченными березовыми ветками.

- Садись, разведчик, - устало сказал военный в офицерском полушубке, подвигаясь на поваленном стволе березы. Широкий воротник закрывал звездочки на погонах. Были видны лишь две нижние, маленькие, присевшие по обе стороны от узкого голубого просвета.

"Старший лейтенант, а может быть, и капитан? - подумал Сергей. Капитан!" За приподнявшимся воротником он успел рассмотреть все четыре звездочки.

Получив от шофера ложку, которая была у них одна на двоих, и горбушку хлеба, Сергей прикинул, какая из консервных банок ближе, и несмело потянулся к ней.

Потом ему дали кусок сахара и белую алюминиевую кружку. Чай был прямо с костра. Настоящий кипяток. Сергей натянул на пальцы фуфайку, но кружка жгла сквозь вату. Он надвинулся лицом над паром, чувствуя, как холод убывает из тела, стекает вниз, а его место торопливо отвоевывает тепло.

- В школу ходишь? - Офицер шумно отхлебнул чай.

Сергей кивнул.

- В какой класс?

- Шестой.

- У него парнишка тоже в шестом, - сказал военный.

Сергей догадался, что офицер говорит про сына летчика.

- А он разве не мог выпрыгнуть с парашютом? - спросил Сергей, мучаясь прежним вопросом, надеясь на этот раз получить обстоятельный ответ.

Командир будто и не слышал его. Он поднял веточку и стал сосредоточенно размешивать в кружке чай, сердито поднимая к шапке сросшиеся густые брови. Он допил свой чай, и солдаты, не дожидаясь команды, мигом встали.

Командир распорядился поставить ящики в кузов. И солдаты принялись выполнять его приказ.

- Ну а мы с тобой костер затушим!

И начал подгрести валенком снег, собирая его в кучу.

Сергей был по одну сторону костра, капитан - по другую. Капитан, казалось, забыл о своем намерении тушить костер. Остановился, да так, застыв, долго смотрел на огонь, словно что-то высматривая в нем. Сергей подумал, что, может быть, летчик был лучшим другом этого капитана. А может, и не другом, просто были хорошими товарищами, служили-то вместе. И капитану жалко своего товарища. Когда погибает хороший человек, всегда жалко. Мать, например, говорит, что подлецов смерть не берет, всегда хорошие гибнут. Но почему же так, почему не наоборот...

Командир словно стряхнул что-то тяжелое с плеч и быстро-быстро валенками забросал остатки костра, который, пошипев, затих.

Офицер взял Сергея к себе в кабину, усадил на колени. Задев бортами ветки деревьев, переваливаясь с боку на бок, вездеходы покатались к большаку, лупоглазо уставясь фарами в темноту.

Сергей обернулся назад, туда, где осталась поляна. Сын летчика, конечно, ничего еще не знает об отце, о том, что он упал в их лесу, что они искали его весь день, но так и не

нашли. Сын летчика, должно быть вернувшись из школы, ждет своего отца, думая, что он еще на полетах. И скоро вернется домой. Но может быть, он уже все знает. Быть может, ему уже обо всем сказали.

Страшно узнать, что у тебя больше никогда не будет отца. Вот ему, Сергею, легче. Он совсем не помнит отца. Ему года не было, когда тот ушел воевать. Отец у него тоже был летчиком. Смелым, бесстрашным. Мать говорит, что отец мог бы остаться в живых, да горячая головушка была у него. Всюду первым норовил... Сергей гордился отцом, потому что он погиб героем. Его орденом Красного Знамени наградили.

- А вы воевали? - спросил Сергей.

- Воевал, - ответил капитан, придвигая к себе Сергея.

- Мой отец тоже воевал. Он был летчиком. Он погиб на войне, - сказал Сергей, может быть впервые осознав весь горький смысл этих слов.

- А ты кем будешь?

- Летчиком!

- Не боишься? - Офицер прижал к себе Сережку.

- Нет!

- Правильно! Трусам в небе делать нечего. Небо не для них.

Вездеходы, обшаривая яркими фарами стены крайних домов, уже входили в поселок.

- Смотри, как бы дом твой не проехать, - встревожился капитан.

При напоминании о доме ему вдруг стало не по себе. Мать, должно быть, в поисках его весь поселок пробежала взад-вперед и всякое передумала... И уж конечно, только он заявится, она его отлупит. Но Сергей уже заранее прощал мать. Она ведь совсем не злая. Побьет его и сама поплачет.

IV

Ему совсем не хочется идти в школу. И он идет сознательно медленно. Так, чтобы опоздать к уроку. Тем более первый у них алгебра, и ему не хотелось бы объясняться с Шумиловой из-за вчерашнего, из-за сорванного по его вине урока. Но объясняться, должно быть, придется. Ну и пусть! Теперь ему все равно... Летчика нет. Самое обидное - все вокруг так, как будто бы ничего не произошло, не случилось. Все как всегда. Так же бегают по улицам люди, ходят поезда, идут уроки. Какая-то сплошная глупость.

Сосед Беляков, отец Иринки из их класса, зашедший вчера вечером попытать у Сергея, что он увидел там, в лесу, сказал:

- Был человек - и нет. Дерево срубят, так хоть пень какой-то остается, а тут? Эх!

Сжалось все в Сергее при этих словах. Пустынно стало на душе. Он хотел возразить соседу, крикнуть, что не так это. Не так. Но в том и дело, что все так, как говорил сосед...

Вот и школа, старая, начавшая проседать. Правда, новые рамы и крыша оцинкованная, ярко блестящая под солнцем, молодят ее. Но все равно видно, как стара их школа.

В коридоре Сергей натывается на тетю Фросю, которая хозяйничает с тряпкой вокруг титана.

Тетя Фрося опускает тряпку в помойное ведро и, с трудом разогнувшись, оттирает тыльной стороной ладони мокрый лоб.

- Что, милоч, прохлаждаешься? А я мамку твою только встретила. Тебе, неслуху, побегла промышлять. А ты, знать, отдыхать надумал. Ну да ничего, мы тебе сейчас дело найдем. Ну-ка, подсоби мне водички привезть.

Тетя Фрося резво подхватывает пустой алюминиевый бак и, прижав его к пухлому животу, торжественно несет к санкам.

- Ну, поехали, все одно тебе шлындать.

Сергей нехотя берет веревку и сердито тянет на себя.

Санки подбивают под пятки, крышка на баке подпрыгивает.

- Полегоньку, не так шибко, - поучает, ковыляя сзади, тетя Фрося, нам с тобой спешить некуда.

Дорога к колонке идет слегка под горку, и санки то и дело забегают вперед. Сергей ногой поправляет их, косясь тем временем по сторонам. Из учительской его уже, конечно, заметили. Но в учительскую его все равно вызывают.

Сейчас бы с матерью не встретиться. Тетя Фрося сказала, что мать в магазин пошла. Должно быть, за хлебом. За другим она в магазин редко когда ходит. За сахаром разве что? Да за маслом подсолнечным?

Сергей перебрасывает веревку на пустой гулкой бак и пускает санки вниз по дороге.

- Смотри не разбей, - слышится вслед.

Колонка вся обмерзла, оплыла льдом. Тяжелое, чугунное тело колонки мутно просвечивает сквозь наросты. Ручка пристыла, подается с трудом, приходится повиснуть, обрушить на нее весь свой вес. Внутри колонки хряскает, и затем сразу, с шумом в бак под большим напором бьет ледяная вода. Брызги яростно летят во все стороны. Но больше всего метят в лицо.

Подходит тетя Фрося, становится рядом. Разглядывает Сережку, его длинную худюшую шею, острое лицо. И опять вздыхает, думая: несладко, однако, живется Марии без мужика. Вздыхая и жалея вдову, она заодно и себя и ребят своих жалеет, которые, как и Мариин парень, без отца. Он у них тоже на войне погиб.

Сергею нет дела до переживаний тети Фроси. Повиснув на колонке, разглядывает тем временем небо, старается найти хотя бы один след от реактивного самолета. Но небо чисто, прозрачно. Когда Сергей подолгу смотрит на небо, у него внутри как бы потихоньку начинает наигрывать музыка, будто кто-то попеременно заводит одну и ту же хорошую пластинку. Но сегодня музыка эта молчит. Он даже не может вспомнить прежний мотив. Вряд ли они прилетят сегодня.

Самолеты обычно начинают летать над их школой по утрам, после первого урока. К обеду уже все небо над школой разрисовано, исполосовано вдоль и поперек.

На переменах ребята носятся по школьному двору вдоль забора, мимо уборной, откинув по-ласточьи крылья, подражая самолетам, посвистывая, как они. Но так резвится малышня. Те, что постарше, крутятся возле Юрки Должикова или кого-либо из аэроклубовцев, которые, поглядывая в небо, небрежно поясняют, что там выделяет самолет. Иммельман, разворот на горке, бочку или штопор. Аэроклубовцы, конечно, задавашные, кроме Юрки Должикова, но все равно их любят. Потому что они смелые ребята. Они не как все. Они - другие. А зазнайство их пройдет. Они будут летчиками. И почему им не задаваться, не гордиться этим?

- Будя, будя! - кричит тетя Фрося, прикрывая крышкой бак, через край которого уже хлынула вода. - Валенки, смотри, замочил.

Сергей снова впрягается в санки. Полозья примерзли, приходится дернуть посильней. Вода шумно бьет, толкается о крышку.

"Вообще, конечно, летчик должен быть крепким и сильным", - думает Сергей, катя санки. Вот у них ребята спорят, что для летчика главное сердце или голова. А он, например, думает так: для летчика и то и другое главное.

Например, Сергей сейчас все время тренирует себя. Он уже запросто пробегает четырнадцать кругов на школьном стадионе, а в каждом том круге четыреста метров. Так что сердце у него крепкое. Он и голову свою тренирует. Он дольше всех ребят может висеть вниз головой на гимнастической лестнице. И хоть бы что. Правда, на медкомиссии к нему могут придраться из-за шрама на голове. Хотя он, может, еще и разойдется. До комиссии целых пять лет. А вообще, у Юрки Должикова надо насчет медкомиссии разузнать. Он, говорят, несколько раз ее проходил. Его тоже поначалу забраковать хотели, тоже придрались к чему-то. Но он доказал свое. Да и кому, как не ему, учиться в аэроклубе. Вот уж кто

действительно смелый человек. Ночью один на карьере купается и ныряет. В прошлом году нужно было на заводской трубе громоотвод поставить, директор кирпичного завода пятьсот рублей давал тому, кто возьмется. Из взрослых никто не согласился. Страшно, труба качается, а Юрка Должиков полез. Установил громоотвод, уселся там верхом на трубу, ногу на ногу забросил и как ни в чем не бывало сидит. Снизу ему кричат, чтобы слезал, а он сидит себе, весело перебрехивается со всеми.

- Ну, спасибо тебе, - говорит тетя Фрося, когда он помогает стащить с салазок холодный бак и водворить его на табурет. - Ты что же, баклуши бить али в класс зайдешь?

- Не знаю, - отзывается нехотя Сергей.

- От лиходей, - всплескивает руками тетя Фрося. - Мать его в школу проводила. А он с бабкой воду возит. На кой ляд такое учение. Разве за тем тебя мать в школу проводила, чтобы ты пороги околачивал?

Тетя Фрося берет в руки литой медный звонок, исписанный по боку старыми буквами, задирает голову к ходикам, соображая, сколько там минут до перемены.

Перемена сейчас не радует Сергея. Он представляет, как кончится урок и по школьному двору как ни в чем не бывало начнут гонять ребята. Как можно так? Он еще и сам не знает, против чего восстает его душа. Но чувствует, случившееся вчера в лесу должно что-то изменить в их жизни.

Сергей заходит за угол школы. Хотя на улице холодно и тянет ветерком, здесь тихо и слышно, как пригревает солнышко. От штукатурки поднимается легкий пар. Сергей опускается спиной вдоль стенки, присаживается на завалинку и поднимает голову к небу. Пристально осматривает. Странная и шальная мысль осеняет его. Заиметь бы крылья, как у птицы, улететь навсегда в небо и жить там, жить, не зная обид и горя. Но лес, его темная долгая стена по горизонту как бы обрезает его сладкие видения, и он снова вспоминает летчика. Как хоть звали его? Каким он был? Ведь он, по сути, ничего не знает о нем. И быть может, никогда не узнает. Сергею становится горько от этой мысли. Он начинает думать, что все могло быть иначе. Они могли бы встретиться. Сергей отдал бы сейчас многое, все, что у него есть, все, что может быть в дальнейшем, за то, чтобы летчик остался в живых...

За школьной стенкой, под самым ухом забренчал медный звонок. Потом стало слышно, как тетя Фрося пронесла его по всему коридору. Вышла на улицу. Будто специально для него позвонила.

Сразу же за стенкой все заходило, задвигалось. Захлопали двери, крышки парт. Ребята в одних рубашках наперегонки рванулись в известное место. Кто быстрее. Не спеша вывалился из-за угла Баранов, руки в карманах, голова тяжело прислонена к плечу. Потопал туда же, куда неслись все.

Сергей задвинулся подальше за угол, чтобы не попадаться никому на глаза. Перемена только началась, а он уже с нетерпением ждал ее конца.

V

И вот снова тетя Фрося выкатилась на улицу со старым медным звонком. Сергей поднял с завалинки сумку, показавшуюся вдруг тяжелой, и побрел в свой класс.

Как всегда, перед началом урока было шумно. Говорили громко. О вчерашнем. О летчике.

- Слышишь, Малец, - закричал обрадованно Баранов, - тот летчик Героем Советского Союза был, говорят... Тут из военкомата приходили. Ты ничего не знаешь? Эй, Малец, глухой, что ли?

Сергей одеревенело опустил на парту, даже не взглянув на своего соседа Тальянова.

- Я думал, ты заболел, - сказал Тальянов. - У меня кашель всю ночь был, горчичники ставили.

Сергей стал разбирать сумку.

- Не то достаешь, - сказал Тальянов. - У нас снова алгебра. Два урока подряд. Должно

быть, за вчерашнее.

Тальянов перешел на шепот, так как в класс уже входила Шумилина, держа обеими руками стопку тетрадей.

Сергею сделалось тоскливо. Он ждал, что Шумилина сейчас потребует от него объяснений, но она ничего не стала спрашивать и лишь дольше обычного задержала свой взгляд на нем. И Сергей был благодарен ей за это, за то, что она не стала поднимать его, требовать объяснений.

Нужно было решать задачку. Шумилина раздала листочки. Первый, второй варианты. И села к столу проверять ту огромную стопку тетрадей, что принесла с собой. "Чьи это тетради?" - думал Сергей, как будто это сейчас было для него главным.

За спиной сопели, перешептывались ребята. "Чудаки", - думал Сергей. Всякие задачки он решал запросто, без особого труда. И контрольные сдавал обычно первым, хотя Шумилина всякий раз, видя его нетерпение, приговаривала: "Не спеши". Она и сейчас несколько раз украдкой бросила свой взгляд на него, видимо ожидая его прыти, но Сергея словно парализовало. Он сидел не шелохнувшись. Не мог сосредоточиться. Читал задачку, но смысл ее никак не доходил до него. Он готов был расплакаться от отчаяния.

Шумилина, по-видимому, догадалась, что с ним творится неладное. Оторвалась от тетрадей и вопросительно посмотрела на него. Застигнутый посреди своих мыслей врасплох, он встрепенулся, торопливо рванулся за ручкой, но, словно опять споткнувшись, закусив губу, почувствовал слабость, бессилие. Зачем эти задачки? Зачем все это? Если его больше нет.

- Я решил, Анна Ванна!

Сергей покосился на Тальянова. Тот облизал толстые губы и, осторожно погладив промокашку, закрыл тетрадь.

- Молодец, - похвалила Шумилина, - сдавай.

В разных концах класса послышались голоса ребят, сумевших так же запросто, как Тальянов, справиться с задачкой.

- Ну что там у тебя? - зашептал возбужденно Тальянов. - Давай помогу.

Сергей нетерпеливо отодвинул его плечом. Закрыл тетрадку и понес ее на стол Шумилиной.

- Что, и ты уже? - спросила она, беря в руки тетрадь, тут же открывая ее. Но что она могла увидеть в ней?

- Я что-то не понимаю тебя, Сережа, - сказала она. - Надеюсь, ты не бесцветными чернилами писал? Возьми тетрадь назад. Еще есть время. Семь минут до конца урока. Плюс перемена. Возьми, - Шумилина протягивала ему тетрадь. - Ну же, ну! Не теряй зря времени!

- Не буду, - сказал Сергей, отходя к своей парте.

Шумилина встала из-за стола, положила перед Сергеем тетрадь.

- Решай!

Шумилина стояла над ним.

- Я жду, - сказала она.

Сергей сидел неподвижно, словно загипнотизированный.

- Уж не заболел ли ты?

Строгость ее сменилась жалостью.

- Что с тобой, Сергей? Я тебя не узнаю.

В коридоре ударил звонок. Шумилина кивнула классу, разрешая всем идти на перемену. Сергей встрепенулся.

- А ты останься, - сказала Шумилина.

Страсть как не любил Сергей всякого рода объяснения. Не любил, когда начинали копать в его душе. И вот сейчас пытается его Шумилина. Что с тобой? Что с тобой? Но каждому ли скажешь об этом? Да и потом, что от этого изменится? Если бы Шумилина чем-то и впрямь могла помочь. А то ведь они, учителя, все сводят к оценкам. По ним и судят о каждом. А разве это правильно? Если ты хорошо учишься, значит, ты пригож, значит, тебе

во всем доверие. Требуют откровенности от каждого, а к тем, кто учится слабо, относятся с предубеждением, настороженно.

Шумилина говорила, но смысл слов не доходил до Сергея. И она это поняла.

- Ну что ж, - сказала она, - я вижу, тебе не хочется говорить со мной. А жаль. Но должна тебе сказать, меня настораживают твои начавшиеся нелады с некоторыми предметами, твое отношение к учебе. Так нельзя, Сергей.

"О чем она? - думал он. - О чем?"

- Я буду вынуждена поговорить с твоей матерью.

Сергей знает, что несладко придется ему после того разговора. Строга у него мать. Но сейчас ему все равно. Надоело ему все. Ничего не хочется.

- Можешь идти, - говорит Шумилина.

И знакомое чувство свободы вдруг наполняет его.

Пока Шумилина читала нотацию, у него исподволь созрел план. Он решил уйти из школы. И прогулять сегодняшний день. Уйти в лес. И как только Шумилина отпускает его, он, захватив фуфайку и шапку, выбегает из класса. Скорее. Скорее. Как будто кто-то торопит его. Как будто там, в лесу, его ждут.

Снег уже повсюду подернулся слюдяной коркой и блестит так нестерпимо, что даже глаза ломит с непривычки. Он замечает, что ветви у берез за зиму отросли, стали длиннее и теперь чутко прядают под ветром, касаясь сережками земли. Что бы там ни было, скоро весна, ручьи...

В лесу так тихо, что слышен каждый шорох. Вездеходы накатали дорогу. По их рубчатому следу уже не раз проехали на санях, дорога от этого стала глянцевои, скользкой. Сергей разгоняется и катится по дороге, как на коньках. В лесу тепло, а от быстрой ходьбы даже становится жарко. Сергей сходит на обочину, сбивает пяткой затвердевшую корку, разгребает руками снег и, захватив пригоршню чистого, белого снега, начинает есть. Зубы ломит. Но все равно снег вкусный.

Наверху, в деревьях, вдруг кто-то звонко высвистнул, и пока Сергей пытался отыскать невидимую птицу, она уже успела скрыться, пропорхнуть между берез. Должно быть, синица? Тут он заметил, что идет снова по той самой дороге, которая ведет к поляне, где на ветках трепетали странные легкие лоскутки. Вот уже хорошо видать и поляну, на которой вчера толпились солдаты.

Посреди поляны чернеет все та же земля, перемешанная со снегом. И вся поляна по-прежнему усеяна мелко посеченными коричневыми ветками берез. Сергей представляет, с каким свистом и грохотом обрушился самолет на лес. Ему становится жутко, и он оглядывается по сторонам. Он часто бывал один в лесу, но никогда ему не было так страшно.

Рядом хрустнула ветка. Сергей вздрогнул, осторожно оборачиваясь, но никого не было. "Фу-ты, какой трус", - подумал он, смелее придвигаясь к тому месту, где была яма, наскоро заброшенная теперь снегом.

Что хоть искали тут солдаты? Что они хотели найти? Сергею показалось, что на снегу, под березой, валяется пуговица. Должно быть, его, летчика. От комбинезона. Он рванулся туда, схватил, обдул ее. Но это была не пуговица. Просто заячий орешек. Вокруг ствола он увидел несколько еще таких же орешков, старых, закатавшихся в снегу. Сергей обозлился и решил в следующий раз обязательно поставить здесь силок и поймать вредного зайца. Правда, силки он ставить не умел, но этому нетрудно научиться. Все ребята с Чапаевской улицы ставят силки.

"Самолет, должно быть, взорвался от сильного удара", - подумал Сергей. Он вспомнил, как кто-то из ребят говорил, что на носу у всех реактивных самолетов есть такое устройство, которое при ударе о землю взрывает самолет. Говорят, на наших "катушках" во время войны тоже было такое приспособление, чтобы сохранить от немцев тайну. Конечно же, самолет взорвался, не стали бы солдаты просто так собирать землю.

Но что они могли определить по глудкам мерзлой земли?

Сергей закрыл глаза, отчетливо представив себе падающий самолет... Эта поляна, эти деревья, что торопливо разбегаются в сторону. Удар! И все. И больше ничего. Сергей открыл глаза. Черная земля на белом снегу как бы кричала ему о непоправимой беде, о том, что его летчика больше нет. И никогда не будет. Есть школа, Шумилина, мать, школьные ребята. Все есть. Все остается по-прежнему, а его больше нет.

VI

Сергей глубоко вздохнул и явственно почувствовал запах чернеющей на снегу земли. Он решил идти домой и в последний раз оглядел поляну. Когда еще снова придет он сюда? Он осмотрел жиденькие, посеченные местами верхушки берез, всхолмленную поляну. Там, где поляна смыкалась, у березы с раздвоенным стволом, что-то ярко металлически сверкнуло на снегу... И, еще не зная, что там может быть, Сергей подумал, что это его, летчиково. В несколько прыжков он достиг приметной березы, так похожей на рогатулину. Под стволом березы - серебристое доньшко часов. Сергей упал на колени. Часы обожгли ладонь холодом металла. Он осторожно обдул, оттер о грудь циферблат. Стекло было сплошь в мелкой сетке трещин, но под ними он разобрал: "Победа". Тонкие синеватые стрелки показывали без четверти два, Сергей приложил часы к уху и услышал их живое сверчание. Странная мысль пришла ему: летчик погиб, а часам хоть бы хны - они ходят, отстукивают в тиши леса свои минуты... Он не сомневался в том, что часы принадлежали летчику. Их от удара выбросило из кабины самолета. От удара у них и циферблат такой.

Сергей зажал часы в кулаке. У него теперь будет память о летчике... Быть может, Баранов и насчет звезды правду сказал. Может быть, и звезда с его груди тут же, где-нибудь в снегу...

В отдалении послышались голоса. Сергей прислушался. По лесу в направлении к нему двигались какие-то люди. Сергей торопливо спрятал находку в карман и принялся ждать.

- Ха, гляди, партизан, - услышал он из-за деревьев веселый голос и тут же в плотной кучке ребят увидел Баранова. - Ну и шустер.

"Чего он веселится?" - подумал Сергей зло.

Сложное чувство испытывал он сейчас. Ему и радостно было встретить тут, в лесу, своих одноклассников и в то же время ему не хотелось встречаться с ними.

- Поди, уж что-нибудь нашел? - осведомился Баранов.

- Нет. Но найду, - угрюмо пообещал Сергей.

- Малец! - сказал Баранов. - А Шумилина того... зуб на тебя точит!

- Ну и что! - ответил Сергей как можно равнодушной.

- Не больно хорохорься, - наставительно сказал Баранов. - Ну, орлы! крикнул он.

Петров, Носов и Тальянов - сосед по парте, что притащился с Барановым в лес, с готовностью обернулись к Баранову, который, как это нетрудно было догадаться, взял на себя обязанности командира. Он и держался соответствующим образом.

Выставив ногу вперед, небрежно, совсем уже по-командирски, Баранов вытащил из кармана пиджака пачку "Севера".

- Не будем терять время, - сказал Баранов. - Начнем. Сегодня мы должны осмотреть всю поляну. И на пятьдесят, нет, на сто шагов вокруг нее. Ясно! Вопросы будут? Нет? Тогда за дело!

Баранов откинул крупную голову назад, выдул струю дыма.

- Малец, - окликнул он Сергея, - ты тоже можешь к нам присоединиться.

Сергей согласился бы, скажи Баранов по-другому, без этого гонора.

Ему, честно говоря, не хотелось уходить с поляны, но и торчать тут не имело смысла. Подгребая валенком снег, он побрел прочь.

"Не потерять бы часы", - подумал вдруг он и удивился неожиданности этой мысли. Была она не случайной. Он вдруг вспомнил, что как раз левый карман фуфайки, где лежат

часы, дырявый. Пospешно сунул руку в карман и весь заолодел. Часов не было! Он оглянулся назад. Часы лежали в каком-нибудь шаге от него. На счастье, ни Баранов, прикуривающий папироску, никто другой из его команды не успел заметить часы. Сергей торопливо придавил их пяткой валенка. Ему, видимо, надо бы не спешить сразу поднимать часы, а он поторопился и выдал себя.

- Что там у тебя? - настороженно спросил Баранов.

- Ничего! - Сергей вынул руку из кармана.

- Покажи!

- Больше ничего не хотел?

Сергей понял, что сделал глупость, не надо было задирать Баранова. Но было поздно. Баранов схватил его за руку.

- Показывай, что там?

Сергей попытался вырваться, но Баранов завел руку за спину. Крутил, выворачивал ее.

- А ну сюда! - крикнул он своей команде, и те втроем с готовностью бросились на помощь. - Держите за руки. Крепче! Я его обыщу.

Сергей стал отбиваться ногами и крепко задвинул Баранову... Но тут его свалили, и Баранов, оседлав его, придавил голову, вывернул карманы.

- Часы, гляди-ка! - восхитился он, держа их на вытянутой руке, показывая всем.

- Отдай, - сказал Сергей, отряхиваясь от снега. - Отдай мои часы.

- Были когда-то твоими, - ухмыльнулся Баранов. - И вообще, несовершеннолетним носить при себе подобные вещи запрещается.

- Отдай часы. - Сергей весь напрягся, лихорадочно выискивая место для удара.

- Получай! - Баранов выбросил вперед руку с часами и больно ударил в подбородок.

Сергей зашатался, сплюнул кровь.

Тальянов в страхе зажмурился.

- Ничего, - сказал Сергей. Он нагнулся, соскреб ладонью снег, прикладывая к опухшей губе. - Ничего, - повторил он, - ничего. Я с тобой еще сквитаюсь.

- Всегда пожалуйста. Милости просим. - Баранов скинул шапку, шутовски помахал ею в ногах.

VII

Смеркается. Дверь в учительскую открывается.

- Что это вы впотьмах сидите? Зрение портите? - строго спрашивает завуч Зубилин и, не сходя с порога, нащупывает выключатель.

Учителя, собравшиеся кружком у стола, что стоит посредине комнаты, замолкают, щурятся от яркой лампочки, свободной от абажура, и выжидательно смотрят на вошедшего завуча. Учителя уважают Зубилина за его опыт и знания, но и побаиваются. Причин к тому много.

- Не помешал? - Зубилин дружелюбно из-под очков окинул кружок, который тут же на глазах стал рассыпаться.

- Наоборот, Николай Иванович! - ответила за всех Шумилина.

- Анна Иванна, - изумился Зубилин, как будто только сейчас разглядел ее, - а вы что же домой не идете?

- Дела, Николай Иванович! Родительницу жду.

- Это кого же?

Зубилин снял очки. Прищурившись, взглядываясь в запотевшие стекла, протер их.

- Мать Сергея Мальцева.

- Ну! Парень вроде толковый. В чем же провинился?

Зубилин подсел к Шумилиной.

- Да как вам сказать, Николай Иванович. С парнем непонятное происходит. И не могу понять отчего. Вел себя нормально, учился хорошо, а тут словно бы подменили. Стал невнимательным, рассеянным, упрямым. Хочу вот с матерью поговорить - узнать, какой он дома.

- Да, - задумчиво сказал Зубилин, вертя в худых пальцах очки, глядя мимо Шумилиной в сумерки за окном. - Да! Что бы это могло приключиться с ним такое? А?

- И сама не знаю, - призналась Шумилина. - Но мне думается, все это начало твориться с ним с того дня, как в лесу упал самолет. Или, быть может, это просто совпадение... Я уж, по правде говоря, не знаю, как и быть с ним. Мальчик он впечатлительный. А с такими, как известно, всякое случается.

- Это верно, - согласился Зубилин, продолжая все так же смотреть мимо собеседницы.

Тех, кто не знал об этой его странной манере разговаривать, глядя куда-то в сторону, конечно же, такая манера удивляла, если даже не оскорбляла, но затем, как и другие, они свыкались с ней и не обращали на нее никакого внимания. Что касается Шумилиной, то она знала завуча давно. Лет десять, не меньше, и ко многим его причудам и странностям, которые были следствием рассеянности завуча, успела привыкнуть.

- Печальный факт, - сказал Зубилин.

Шумилина хотела было уяснить, что он имеет в виду, но в это время в дверь учительской осторожно постучали, и Шумилина предположила, что это наверняка мать Сергея Мальцева. Так оно и оказалось.

Худая, остролицая Мальцева несмело осмотрела учительскую, в волнении поправила платок.

- Ученик за мной прибежал. Сказал, в школу вызывают. Так я...

- Проходите, пожалуйста, - не дала ей закончить Шумилина, вставая навстречу родительнице.

VIII

Сергей же, ни о чем не ведая, неся в душе лишь злость и обиду на вероломного Баранова, брел по лесной дороге к поселку, который уже различными звуками - вскриками паровозов на далекой станции, гудом машин на обтаявшем в черных проплешинах шоссе - заявлял о себе.

На счастье, матери дома не было. Сергей это понял сразу, взглянув на окна. Он решил подойти к дому со стороны огородов. Ему ни с кем не хотелось встречаться. Но в этот час ранних сумерек через их двор, который находился рядом с почтой, еще ходили люди. Выбрав минуту, он проскочил во двор, косясь на соседскую половину, отделенную от них стеной. Они с матерью занимали меньшую часть дома - комнату, посреди которой стояла широкая утробистая печка. Сосед, работавший секретарем в райисполкоме, жил попросторнее, в трех комнатах. Но у него и семья была больше. Сам, жена, трое девчонок, да еще дед с бабкой - его родители. От соседа Сергей узнал, что их дом самый первый, построенный после войны. Фрицы всех сожгли... Поначалу в доме жили секретарь райкома партии и прокурор. Дом был собран наспех из разных горбылей и слег. Может быть, когда-то дом был и хорош, но сейчас он весь просел, скособочился. Каждое лето мать и соседи мазали дом снаружи. В стенах было много щелей, слегы местами прогнили. И как старательно ни заделывали они стены, все равно зимой тепло в их доме не держалось.

Замок поддался не сразу. Пришлось подергать, поколотить его о дверь. Не успел Сергей войти в комнату, как с печи к нему в ноги шаркнул Барон. Обойдя Сергея, он потерял своей хитрой мордой и плоским боком о валенки, оставляя клоки шерсти, жалобно промяукал. Затем пробежал к своей консервной банке, горласто требуя: "Наливай, наливай".

Сергея вдруг взяло зло на этого кота, старого обжору. Он пнул его ногой. Несмотря на свой древний возраст, кот резво подскочил и, сердито взыв, затрусил в темный угол.

Барон, конечно, был ни при чем. Мать, должно быть, забегалась и забыла его

покормить. А он бедного кота ни за что ни про что...

- Киска, киска, - позвал, как можно ласковей, Сергей, стуча пальцами по консервной банке.

Но Барон, видимо, объявил бойкот. Отказывался выйти из своего убежища.

Сергей бросил на лавку фуфайку и принялся искать еду. Достал с полки мягкую пахучую буханку хлеба и, забыв про ножик, впился в нее зубами. Суп в кастрюле был еще теплый. Сергей отловил кусочки сала для кота. Тот уже забыл про обиду и стоял рядом, не сводя с хозяина горящих глаз.

Сергей щедро налил коту, но тот, неторопливо обнюхав банку, даже не соизволил притронуться к еде.

- Ишь благородие, - сказал Сергей, подражая матери.

Кот отошел от банки и, усевшись спиной к двери, поднял лапу. Нализав ее, начал усердно водить по морде, задевая стоявшие торчком уши.

"Гостей созывает. Со стороны Энска", - подумал Сергей. Хотя из родственников у них нет никого.

Сергей наскоро поглотал суп. Попил чаю из чайника, который мать всегда укутывала в газеты и старую шаль, чтобы он подольше оставался горячим, и тут-то вспомнил, что его сумка осталась в школе. И не хотелось Сергею возвращаться в школу, да нужда заставила.

Он выпустил кота, начавшего точить когти, и побрел к школе.

За углом дома он чуть не столкнулся с соседом. Тот собирался с силами, чтобы сделать твердые шаги к своему порогу. За выпивку ему крепко доставалось от жены. Ругала она его громко, на всю улицу. Не стыдись прохожих. А он, придерживая пустой правый рукав, беспрестанно кивал головой и ухмылялся. Иногда сосед приходил домой трезвым, и тогда за стеной попискивала трофейная губная гармошка, которую он привез из Пруссии. Он бы, конечно, дошел и до самого Берлина, да оторвало руку. Летом сосед выходил со своей трофейной гармошкой во двор и, потеснив женщин на лавке, играл на потеху им. Хорошо играл. И песни, и вальсы.

Сосед вообще был тихим. Даже пьяный. А пил он, должно быть, с тоски, с того, что стал безруким, с того, что рождались одни дочки, тогда как ему очень хотелось сына, о чем он всякий раз тужил вслух. По воскресеньям сосед обычно уезжал на рыбалку. Однажды мать отпустила с ним и Сергея. Они ловили карпов на пруду в Квасово. Правда, ничего так и не поймали. Только продрогли, спать пришлось в стогу. Они оделись легко, а ночь выдалась холодная. Но если бы мать снова отпустила его с соседом, он бы, не раздумывая, поехал. Да после того как Сергей пытался убежать из дома, мать его никуда не пускает...

Вторая смена продолжала учиться. Двери всех классов были приоткрыты так крепко надыхали ребята, что и форточки не помогали. Сергей тихо прокрался к своему классу. Сейчас здесь занимались восьмиклассники. У них шла химия. Анна Михайловна - плечистая, крупная, как штангист, писала на доске формулы, объясняя по ходу, что к чему. Но никто ее, как понял Сергей, не слушал. Каждый был занят своим. Про Анну Михайловну говорили: у нее на уроке можно делать все, что хочешь. Тетка она добрая. Зла никому не делает. И все, кто хотел, пользовались этой ее добротой.

Сергей обшарил глазами свою парту. Сумки не было видно. Он уже собрался пойти к тете Фросе справиться у нее о сумке, но вдруг заприметил свою черную дерматиновую, как он называл про себя, "офицерскую" сумку, потому что такие сумки, только, конечно, из настоящей кожи, носили во времена войны офицеры. Во всех фильмах они с такими сумками через плечо ходят.

Сергей приоткрыл пошире дверь и, просунув голову, окликнул парня с ближней парты.

- Чего тебе? - уставился тот.

- Сумку подай!

- Какую?

- Ту, что на вешалке.

Парень оглянулся назад и оскалился:

- Не дотянусь!

- Попроси кого-нибудь! Что тебе стоит!

На их громкий шепот уже начали отовсюду оборачиваться. Сергей осекся. Ему показалось, что сзади, за его спиной, кто-то стоит. Сергей оглянулся.

Он даже не сразу поверил. Перед ним стоял давний его знакомый, тот самый капитан, что тушил с ним на поляне костер, что подвез его на вездеходе в поселок. Только теперь он был в шинели.

- Здравствуй, Сергей! - Капитан улыбался. - Искал тебя наудачу. Адреса ведь твоего не знаю. Ну и пошел в школу.

Сергей хотел спросить капитана, надолго ли он в их поселок, но решил, что задавать такие вопросы военному человеку неуместно.

Но капитан и сам догадался:

- Мы тут проездом.

Капитан отвернул полу шинели и вытащил из кармана галифе перочинный нож.

- Это тебе. Держи. На память.

Сергей оробел. Такого ножа у него никогда не водилось. С черной ручкой. Блестящий. С несколькими лезвиями.

Видя его нерешительность, капитан взял Сергея за руку и вложил в ладонь нож, как запечатал.

- Бывай здоров!

Капитан крепко стиснул руку и шагнул из коридора на улицу.

Сергей спохватился, что забыл поблагодарить капитана, и выскочил следом.

На дороге, напротив школы, горбилась громадина вездехода. В кабине красновато вспыхивал огонек папироски. Капитан легко перемахнул через кювет, вскочил на подножку вездехода.

Хлопнула дверца, прибавил обороты мотор, и вездеход покати́л в сторону города, распространяя по шоссе резкий запах бензина. Все случилось так быстро и неожиданно, что трудно было поверить в реальность происшедшего. Но этот нож с тяжелой ручкой, эти красные задние огни вездехода свидетельствовали о том, что это не сон.

Сергей вздохнул и пошел к дому, так и забыв взять из класса сумку.

IX

Сергей надеялся, что мать еще на работе и ему не придется объясняться с ней. Он сразу же заляжет спать, а утром чуть свет вскочит - и никаких разговоров не будет. Но дверь в сени была открыта настежь. По полу были рассыпаны крошки торфа. Мать готовилась топить печь.

- Заявился.

Мать устало, не глядя на него, сбросила с плеча тяжелую кошелку, присела на край ее, высвободив из-под платка голову. Так и сидела молча, уставившись в какую-то невидимую точку. Затем встала и, отыскав кружку, пошла к макитре, на глянцевых боках которой были вылеплены звездочки, серп и молот, а также цифры "12/X 1949". Такие красивые макитры делались у них в поселке на кирпичном заводе. Эта макитра была, пожалуй, самой красивой вещью в их доме. Да и много ли этих вещей было у них. Вдоль стен лежали две тяжелые дубовые доски. Они как бы опоясывали стол. Но это только мать считала его столом. На самом деле это был большой ящик из-под мыла. По левую руку от стола стояла печь. На этой печи они спали с матерью по очереди. Чаще всего Сергей. Ему нравилось, что печка такая большая. И куда ни закатаешься, всюду тепло. За печкой стояла кровать. Пол под нею местами прогнил, и чтобы ножки кровати случайно не провалились, мать подложила под них кирпичи. Кровать от этого стала еще выше, прямо-таки царской. Новый, сшитый матерью матрас, плотно набитый свежим сеном, делал кровать пышной. Пожалуй, после макитры

кровать была второй красивой вещью в их доме. Правда, она местами поржавела и облупилась, но этого сразу не углядишь внизу кровать прикрывал вышивной подзор, с острыми, как у пилы, зубьями. А спинку загораживали подушки, покрытые кружевной накидкой. И кружевная накидка, и покрывало очень нравились Сергею. С появлением их в доме стало как-то светлее, наряднее...

И еще к одной вещи был Сергей равнодушен, потому что была она чисто городской - к большому гипсовому льву-копилке, занимавшему половину подоконника. Мать купила льва на базаре, когда они ездили в Энск хоронить сестру отца. На следующий день после поминок пошли на базар.

И вот на том шумном городском базаре, где все толкались и громко разговаривали, купила мать копилку - тяжелого гипсового льва. Такого странного и необычного. С головы до хвоста зверь был покрашен в коричневый цвет. Широко раскрытая пасть была ярко-красной, как будто лев только что закончил обед. Но больше всего удивили Сергея глаза. Голубые. Живого льва ему никогда не приходилось видеть, но он почему-то был уверен, что глаза у него должны быть карими, черными, серыми, только не голубыми. А кореец-торговец был доволен своими львами, ставшими в ряд возле его ног на цветном лоскуте. Он улыбался беспрестанно Сергею, матери, всем, кто останавливался возле него, улыбался добродушно, радостно, будто все эти люди были самыми близкими его родственниками. И мать, хотя Сергей и не просил об этом, вдруг купила ему голубоглазого льва, который вот теперь самодовольно уселся на подоконнике.

Всякий раз, в получку, мать давала Сергею двадцать копеек, и он бросал их в ненасытную пасть. Иногда мать сама бросала туда сложенные рублевки, но это случалось редко. Однако лев успел потяжелеть и от серебра. И трясти его было уже не просто. А приходилось. Особенно когда хотелось в кино, а мать денег не давала. Тогда он вставлял в пасть льва ножик и осторожно по лезвию вытряхивал монеты. Научил этому прежний его приятель Сашка Козлов, с которым они дружили хорошо и долго и который прошлым летом навсегда уехал из их поселка со своими родителями в Донбасс...

Мать продолжала сидеть на кошелке с торфом, подперев голову рукой, прикрыв глаза. Плечи ее тихо поднимались. "Уж не заснула ли она?" подумал Сергей. С ней так часто случалось. Бегаешь, носишься, как ветер, а присядет и тут же задремлет. Но мать, оказывается, и не думала спать.

- Где шлындай? - спросила она сурово. - Только без врак. Иначе отлуплю.

По голосу матери Сергей догадался, что она устала.

Он решил, что лучше помолчать, выслушать все, что у матери накопилось. Он чувствовал вину, догадывался, сколько разных неприятностей доставил за эти дни ей.

Мать вздохнула:

- Не думала, Сергей, что ты таким нехорошим вырастешь, что мне придется перед учителями краснеть. Узнал бы твой отец...

Мать споткнулась, не досказав. Сергей прислушался. Мать плакала. Это с ней бывало редко, но когда мать плакала, Сергею становилось не по себе. Вот и сейчас в груди у него снова что-то дрогнуло. Сергею хотелось успокоить мать, но он не знал как. И он жалел мать про себя: "Не плачь, мама, что у нас нет отца. Не плачь, что я такой непутевый. Но я и не такой плохой, как ты думаешь. Знай, что мне очень и очень жаль тебя. Не плачь, мама, когда я буду взрослым, когда стану летчиком, я куплю тебе новое пальто. И ты будешь самой нарядной и самой красивой в поселке. Ты больше не будешь мыть полы, вставать рано по утрам, таскать тяжелые корзины, топить печь. У тебя только и будет работа - варить суп да жарить для нас с тобой котлеты. Не плачь, дорогая мама, все будет у нас хорошо..."

Х

Тяжелый, долгий сон снится Сергею. Какой-то длинный замкнутый двор, и он на этом

дворе в толпе людей.

"Зачем собралось здесь столько народу? - думает Сергей. - Чего они ждут?" По тому, как все напряженно вглядываются в небо, пустынное, марлевой белизны, он догадывается, что эта толпа ждет его летчика. Он не знает, что это за люди. С чем пришли они? Но догадывается - они тут неспроста. Он чувствует, должно произойти что-то страшное, где-то рядом таится опасность.

Ах, вот что они задумали! Сергей вдруг замечает над головой тонкий напряженный провод, издающий тихий зловещий звук. Когда летчик будет возвращаться, то, конечно, не заметит провода и непременно заденет за него.

А тот, которого все ждали с нетерпением, уже спешил, торопился к ним. Ясный самолетный гул как бы сходил по ступеням с неба. Сергей в отчаянии заметался за спинами молчаливых людей, надеясь, что летчик, может быть, заметит этот опасный провод, облетит его стороной.

Он закрыл глаза, будто это могло увести от беды летчика, а когда вновь открыл их - увидал над собой сквозные, прозрачные крылья самолета. А в просветах, оставляемых устало шевелящимся винтом, лицо летчика.

"Неужели он не видит? - подумал в ужасе Сергей. - Надо крикнуть ему, надо предупредить".

И он закричал, срываясь на хрип, летчик услышал его и приветливо, как другу, махнул рукой, улыбаясь веселым лицом, сдвигая долой такой же прозрачный, как и все в этом самолете, фонарь.

И в ту же минуту раздался нарастающий зловещий звук невидимой проволоки, что-то прощально зазвенело, и Сергей понял: чего он так боялся, произошло.

На его глазах беззвучно отпало и, тихо колеблясь, спланировало вниз прозрачное, как у стрекозы, крыло. И весь самолет стал распадаться невесомыми прозрачными частями. С удивленно-грустным лицом падал на землю летчик. Злые люди, что они наделали! Кого они погубили! Отчаяние охватило Сергея, горькие слезы стали душить его...

- Что с тобой, сынок? - услышал, очнувшись, Сергей. Мать гладила его волосы, нежно и тепло дула в затылок. - погоди, я свет зажгу.

Мать торопливо прошлепала к лампе, зажгла ее и, оправив пальцами фитиль, вернулась к кровати. Сергей еще не успел справиться со слезами, торопливо размазывал их по щекам.

- Не плачь, сынок. Прости меня, глупую.

Мать крепко обняла худые Сережкины лопатки.

- Я не потому, - сглотнул слезы Сергей. - Мне его жаль!

- Кого?

- Летчика!

- О господи! Да что он дался тебе? Выбрось его из головы. И мне жаль его. Да с того света человека не вернешь.

- Все равно жаль, - сказал Сергей, затихая, укладываясь поудобнее.

- Знать, судьба его такая, на роду написано - погибнуть такой смертью, - ответила мать, продолжая гладить Сережку. - А ты спи, не думай ни о чем.

И от теплой руки матери на Сергея вновь нашла дрема. И он тут же уснул, безо всяких уже сновидений.

XI

Открыв глаза, Сергей подумал: какой страшный сон! Снились бы людям только хорошие сны. И сбывались к тому же! Только ведь не бывает так!

Вставать не хочется. Не хочется идти в школу. Но надо. Он должен вернуть часы. Сергей твердо решил отобрать их у Баранова. Ничего, что Баранов сильнее его. Зато он,

Сергей, ловчее. Несколько вариантов того, как он будет отбирать часы, созрело у Сергея. Но пока он ни на одном не остановился. Рассчитаны все эти варианты на то, что Баранов принесет часы в школу, станет хвастать ими. А если он их оставит дома? Тогда как быть? Сергей замысливал одно, но Баранов-то мог поступить по-иному. А если просто подойти к Баранову и объяснить ему все по-человечески, сказать, что часы он не себе оставить хотел, а отвезти в город сыну погибшего летчика. Эта неожиданная мысль прямо-таки прожгла его. Уж если кому должны принадлежать часы погибшего летчика, так, конечно, только его сыну. Лишь ему одному. К Сергею приходит решимость. Он торопливо собирается в школу.

Тут, в школе, все по-прежнему. Входят учителя, встают ученики. Вызывают к доске, ставят оценки. Все как раньше. Хотя Сергей думал: с гибелью летчика что-то изменится. Взрыв в лесу слышали все. Он до сих пор не может опомниться от него. Закроет глаза - и сразу же в ушах толчки от того взрыва. Погиб человек, а все живут так, будто ничего не произошло. Будто нет ничего на свете важнее выученного к сроку урока. Никто из учителей не сказал о погибшем летчике, о том, что случилось в их лесу. Быть может, учителя считают, что им, ученикам, не следует рассказывать о таких страшных вещах. Быть может, учителя сознательно оберегают их от всех жестокостей жизни? Но ведь нет одной отдельной жизни для взрослых, другой для них - ребят. Жизнь на всех одна. Разница лишь в том, что каждый по-своему воспринимает то, что случается в этой жизни.

Когда Сергей вошел в класс и увидел толпившихся у парты Баранова ребят, он сразу понял: часы при Баранове. Баранов, как и ожидал Сергей, хвастал часами. "Ничего, недолго осталось", - подумал с веселой злостью Сергей.

- Слышь, Малец! - крикнул Баранов, поднимая над головой часы. Ходят. Вот это часики! Железно! Я их на пол кинул - прочность проверить. Хоть бы что!

Сергею даже стало жарко от такого признания. Ну и зараза этот Баранов! Он был готов броситься в бой. Но делать это сейчас было, по крайней мере, глупо. Он бы наверняка потерпел поражение. Нужно выждать, когда Баранов забудется, надо застать его врасплох. Такая минута должна выдаться. И нужно ее не упустить. Сергей равнодушно, не подавая вида, прошел мимо Баранова к вешалке, разделся, вернулся на свое место. Открыл сумку, вытащил все, что требуется к уроку, и сосредоточенно стал смотреть на классную доску.

- Эй, Малец! - кричал Баранов, пытаясь, видимо, раззадорить его, но Сергей делал вид, что не слышит.

Вошла Шумилина. В классе стихло. Она стала листать страницы журнала, и вслед за шорохом страниц по партам покатился шумок.

Сергей к уроку не готовился. И подними его Шумилина сейчас, он ничего бы не ответил. Это была бы вторая двойка после той, за нерешенную задачу. Правда, там, в тетрадке, Шумилина поставила во всю страницу знак вопроса, но он, этот вопрос, так ясно, отчетливо напоминал двойку, что Сергей его иначе и не воспринимал.

С ним подобного не случалось. Особенно по математике... Он понимал, что ему, как будущему летчику, надо знать математику. Поэтому у него по математике и тройка была редкостью. А тут две двойки подряд. Но странное дело, теперь ему безразлично, какая оценка стоит в журнале против его фамилии.

Может быть, этот взрыв в лесу, гибель летчика заставили его изменить прежней мечте? Нагнали на него страху? И то, что когда-то представлялось главным, отошло на задний план? Он не раздумал стать летчиком. Он непременно станет им. Просто сейчас ему трудно. Как никогда! И не с кем посоветоваться! Шумилина пыталась вызвать его на откровенность, но разве расскажешь ей все. Если бы даже захотел, не смог... Откровенным можно быть с ровесником, может быть, даже с человеком старше тебя. Но с учителем...

Между учителем и учеником разница не только в годах. И Сергей это чувствовал.

Парта Баранова была сзади, через три от него, и Сергей обостренно прислушивался ко всему, что там происходило. А там, без сомнения, что-то творилось.

- Баранов, не отвлекайся, - напомнила Шумилина.

И через какое-то время снова:

- Баранов, не мешай соседу.

Сергей покосился через плечо. Баранов возился под партой. "Наверняка в часах ковыряется", - подумал Сергей, холодея при этой мысли. Что это так, свидетельствовал и звук, который бывает, когда стараются открыть крышку часов и это не удается - лезвие то и дело соскакивает. Вот он, самый подходящий момент! Пожалуй, лучшего не будет. Он поднял руку. Это было не совсем кстати. Шумилина как раз взялась объяснять новое правило. Она вначале сделала вид, что не замечает его руки, затем спросила:

- Что ты хочешь, Сережа?

В голосе ее послышалось удивление и досада.

- Можно выйти? - сказал Сергей.

Поскольку Шумилина отозвалась не сразу, словно бы раздумывая, разрешить ли ему выйти из класса, Сергей забеспокоился. Ему показалось, что Шумилина догадывается о его намерении, о том, что он задумал. Щеки и лоб у него начали гореть, словно бы его поймали с поличным.

- Ну что же, выйди, - неохотно разрешила Шумилина, - хотя тебе как раз надо бы послушать.

Сергей, стараясь не выдать себя, стараясь быть спокойным, пошел к задней парте, к старой, рассохшейся вешалке, густо увешанной фуфайками и пальто. Шумилина продолжала объяснять. Сергей же неслышно стал натягивать фуфайку. Разве раньше, когда ему требовалось выскочить по нужде во двор, стал бы одеваться Сергей? Никогда! Пулей в одной рубашке через двор. Но тут был другой случай! Баранов, ничего не подозревая, и впрямь ковырялся ножиком в часах. Ножик соскочил, острием впился в указательный палец, и Баранов зло засосал его. Вот он, момент! Сергей сделал быстрый шаг к Баранову. Левой рукой захлестнул горло, правой рванул часы. Баранов никак не ожидал такого. Он захрипел, засипел, закашлялся. Но Сергею некогда было разбираться с Барановым. Он крепко сжал в кулаке часы. Теперь уже никто никакой силой не мог вырвать их. Он бросился из класса, оставив в полной растерянности бедную Шумилину.

ХII

Учительская в сумерках. У матери Сергея Мальцева такое ощущение, что она и не покидала эту учительскую с того самого раза, как ее вызвали сюда. Ее приходу не удивились, встретили как старую знакомую.

- Знаете, что ваш сын сегодня отмочил? - Шумилина отодвигает в сторону подальше от себя непроверенную тетрадку, удобнее располагает локти на столе.

Мать Сергея пока не знает, что бы мог отмочить ее сын, но заранее вздыхает. Вопрос учительницы явно не сулит ничего хорошего.

- Как вам нравится, - говорит Шумилина, - набросился на самого сильного ученика в классе и чуть было не задушил его...

Матери Сергея становится плохо. Она и хочет спросить, как же это случилось, да не может. Дыхание перехватило.

- И понимаете, - волнуется Шумилина, - все из-за каких-то часов.

Мальцева сейчас плохо соображает, о каких часах ведет разговор Шумилина. Часы? Но откуда они? Где их мог взять Сергей? Украд? Неужели и такой позор предстоит ей пережить. Вот что значит воспитывать парня без отца. Был бы отец...

Шумилина молчит, ждет, что скажет Мальцева. А ей и сказать нечего. Видит, чувствует, что творится с парнем неладное, а как помочь, не знает. И она, как на духу, признается учительнице, на одну ее и осталась сейчас вся надежда.

- Прямо бедную головушку снял. Разве ж таким хотела его вырастить? Хоть делать что, подскажите, Анна Ванна. Сил моих больше нет. Верите?

Шумилина сухо откашливается в кулачок. От нее ждут совета. А что она, собственно, может сказать? Все как-то раньше было привычнее и проще в ее отношениях с учениками. Она, кажется, неплохо понимала их. Или, быть может, ей только так казалось? По крайней мере, она знала, как быть в том или ином случае. Но что делать с Сергеем Мальцевым?

Мать Сергея по-своему истолковывает молчание Шумилиной. И спешит с выводом:

- Разве что отлупить как следует? Может, это подействует.

- Ну что вы, - противится Шумилина.

Своих детей у учительницы нет, и она не сторонница телесного наказания.

- Отлуплю, - угрюмо, как о решенном, обещает мать Сергея, - как только домой зайвится - отлуплю.

- Но это тоже не метод воспитания, - возражает Шумилина. Но возражает так устало, что мать Сергея думает: решение ею принято правильно.

Открывается дверь, высокий сутуловатый человек в тускло поблескивающих очках басит с порога:

- Опять свет экономите?

Мать Сергея, признав завуча, торопливо кивает в его сторону.

- Ну, - не скрывает завуч своего удивления, - снова вы...

Он собирается что-то спросить у нее, но в это время в коридоре раздается звонок, и завуч, спохватившись, досадливо машет рукой и снова спешит за дверь.

ХIII

Сергей твердо решает поехать в город. Он должен отыскать сына летчика и отдать ему часы отца, как ни жалко расставаться с ними...

Глотая олады, приготовленные матерью на обед, Сергей обдумывал план поездки. Первое, что ему нужно, - это деньги, рублей пять, не меньше. Трясти копилку рискованно. Сразу станет заметно.

Он уж и так брал дважды из копилки на кино, на пищалку. А тут нужно на два билета. Конечно, если поехать на поезде, то можно сэкономить, но поезд ходит очень неудобно. Это только часа в два будешь в городе, а в пять нужно возвращаться назад, чтобы мать не успела спохватиться. Иначе худо.

Но где же достать денег на автобус? Летом он добывал их просто. Помотаешься по дворам, наберешь железок - и в утиль. А сейчас где искать все снегом засыпано. Если только на чердаке что-либо завалилось?

Железная крыша местами пробита, и на чердак натрусилоснегу. Но снег здесь легкий, разбросать не трудно. Сергей согнул попавший под руку картонный лист - получился совок. Им и начал сгребать снег, сбрасывая на улицу, в слуховое окно. Пожалуй, мать бы за такую работу похвалила. Мать всегда хвалила, когда он занимался полезными делами. В левом углу Сергей приметил медный примус и мятую керосиновую лампу. Лежали они здесь давно, и мать про них никогда не вспоминала, а значит, не сразу заметит их пропажу. Хотя примус и лампа из цветных металлов, много за них не дадут, потому что они очень легкие.

Вся надежда на две большие плетушки, что громоздились возле чердачного окна. Они набиты всякой всячиной и сверху прикрыты рваной задубевшей клеенкой. Сергей обмахнул ее веником, расстелил на чердаке, торопливо выкладывая содержимое кошелки. Сверху лежали старые, потрепанные книжки и тетради, пузырьки, бутылки и бутылочки, флаконы, которые он с ребятами собирал, воображая, что вся эта стеклянная посуда станет бутылками с горючей смесью, когда они начнут играть в войну. В этой плетушке лежало много ненужных вещей. Его рваные штаны, побитая молью желтая кофта матери, подшитый рыжий валенок, пара галош. Одна - черная, фабричная, другая - красная, самодельная, вырезанная из автомобильной камеры. В таких красных галошах у них после войны ходили многие в поселке.

На дне второй кошелки Сергей нашел то, о чем думал с тайной тревогой, боясь, что этого вдруг не окажется. Сергей осторожно, как будто он был стеклянным, вытащил самовар, обдувая с него пыль, отирая рукавом фуфайки.

Самовар был красив - серебряный, с витыми, черными, из дорогого дерева ручками, с диковинным крученым краном, с крышкой, узорчатой, расписной, как корона. Сергей знал, что это - свадебный подарок матери, что, бросив все вещи, когда уходила от немцев, мать взяла со связкой белья лишь один самовар. С ним и вернулась назад, но уже к пустому месту. Сергей не мог понять только одного: почему этот самовар они держат не в доме, а на чердаке, почему мать никогда не выставляет его на стол. Почему они пьют чай из облупившегося, потертого, старого чайника.

Сколько Сергей ни заикался о самоваре, мать все уходила от разговоров.

Самовар был, конечно, дорогой, и Сергей начал прикидывать, сколько дадут за него. Лично он безо всякого заплатил бы за него сто рублей. Но у Жоры-тряпичника свои цены. Сколько захочет, столько и даст. Жора все на глаз оценивает. Но за самовар не должен пошкупиться.

Сергей уложил все ненужное назад, в кошелку. Самовар же завернул в клеенку.

Нести самовар открыто по улице рискованно. Могут увидеть и сказать матери. А так никто не догадается, что он несет.

Жора-тряпичник будто бы ждал его.

- Здравсте, - сказал он первый Сергею, поднимаясь из-за стола, за которым сидел в своей заставленной и заваленной всякой всячиной конторке. - Только и всего? - спросил он удивленно, принимая из рук Сергея самовар и тут же ставя его на весы. - Что-то маловато принес, дружок. Ай силенок не хватило? Так ты скажи, мы лошадь тебе выделим.

"И чего зря языком мелет", - подумал зло Сергей, не сводя глаз с весов.

Жора лениво снял самовар, отставил к столу, пытливо посмотрел на Сережку:

- Краденый небось?

- Нет, - сказал Сергей как можно уверенней, - это наш самовар.

- Ну, ладно, держи, - согласился Жора, вытаскивая из заднего кармана деньги.

Сергей растерянно посмотрел на деньги. Неужели самовар стоит всего три рубля?

- Мало? - угадал Жора-тряпичник. - Но пойми, милый, у нас же не антикварный магазин. - Жора-тряпичник рассмеялся, показывая гнилые зубы. У нас ведь утильсырье. Для нас вещь никакой цены не имеет. Абсолютно никакой. Для нас она просто-напросто лом. Цветной ли он, черный, какой угодно. Лом - и все. Ему одна дорога - в печь. На переплавку. Понял?

Но Сергей сейчас думал о другом. Если забрать назад самовар, найдет ли он еще денег на поездку в город? Те деньги, которые он получил от Жоры-тряпичника, - ни то ни се. На билет их не хватит.

- Ну, на еще, на, - сказал Жора, доставая из заднего кармана новую трешку, - пользуйся моей добротой. - Он хитровато подмигнул. - Мать, должно быть, не знает, что ты самовару ножки приделал. А? Ха-ха! Герой, герой. - Жора снова оскалил крупные желтые зубы.

Сергей подошел к двери.

- Герой, - окликнул его на пороге Жора, - если уж тебя "спасибо" не научили говорить, то хоть скажи "до свидания, дядя".

Сергей молча хлопнул дверью.

У него теперь были деньги, вопрос с поездкой решался сам собой, но все же ему не по себе. Он вдруг подумал о том, что украл самовар у матери. Украл! Мать, конечно, на него не подумает. Скорее, на рабочих из райкомхоза, которые осенью перестилали у них полы, насыпали потолок. Мать, по крайней мере, до весны или до лета не хватится самовара, может, вообще про него забудет. Но все равно ему нехорошо становилось при мысли, что мать с отцом из этого самовара чай пили, дорожили этим самоваром, как подарком, а он его

вот так запросто взял и отнес Жоре-тряпичнику. Быть может, вернуться и забрать самовар назад, сказать обо всем честно Жоре? Но кто же тогда даст ему денег на дорогу? Кто?

А ему нужно обязательно поехать в город, рассказать сыну летчика, что он видел, как падал самолет. Что отец его погиб как герой, отдать часы.

XIV

Поселок, в котором жил Сергей, расположен очень удобно. В город от них можно добраться на поезде. Через их станцию проходит два поезда. Рабочий, или, как его называли, "вагончик". Поезд этот был холодным, кургузым, потрепанным. Все было шиворот-навыворот в этом поезде. Даже паровоз ходил почему-то задом наперед. Другой же поезд, дальнего следования, Рига - Орел, был красавец. Вагоны цельнометаллические, длинные. На окнах - белые занавески. На столиках - розовые абажуры. В город также можно уехать автобусом. Им-то намного быстрее и удобнее. Если от железнодорожного вокзала нужно добираться в центр города на трамвае, то автобусная остановка располагалась прямо на центральной улице. Магазины все рядом, до базара рукой подать, а большинство только и ездит в город из-за магазинов и базара, где все, что угодно, можно купить.

Автобусы между поселком и городом стали ходить недавно. Года три назад впервые в их поселок вкатил красный тупоносый "ЗИС" с большими широкими колесами, возле которых Сергей со своими приятелями мерился ростом. Иным эти колеса доходили до подбородка, а Сергею, например, до глаз. Сейчас даже трудно представить, как поселок обходился без автобуса. Весной, когда шоссе, проложенное по бывшим болотам и топям, начинает "дышать" и автобусное движение прикрывается на две, а то и три недели, в поселке будто чего-то не хватает.

Сергею повезло. Он успел к самому отправлению. Едва вскочил, как шофер закрыл дверцы и начал выворачивать огромный руль, выводя автобус на дорогу.

Автобус катил по поселку, и, конечно, все Сергею было знакомо. Чайная, клуб, ларек, прикрытый коричневыми ставнями, пустынный и никчемный зимой, начинающий свою жизнь с весны, когда вокруг ларька устанавливаются постоянные прокисшие пивные запахи.

Напротив школы автобус притормозил, и Сергей, почуяв неладное, сжался, надвинув шапку на глаза. Вдруг сядет кто-нибудь из учителей. Или, может быть, сам директор. Он часто ездит по всяким делам в город. Но никто не садился, автобус сбавлял ход, чтобы объехать вставшую посреди дороги лошадь. Ей трудно было стронуть с голого асфальта сани, нагруженные тяжелыми утробистыми мешками. Возница неистово порол лошадь кнутом, а она, приседая на зад, напрягаясь, бешено храпя, разъезжаясь копытами по асфальту, все никак не могла осилить поклажу. В автобусе зашумели, стали ругать бездушного возницу, которого сам черт занес на шоссе, в то время как рядом лежала хорошо наезженная санная дорога. Кто-то предположил, что возница пьяный, - на том и порешили, и в автобусе снова стало тихо, будто весь автобус прислушивался к гулу мотора, вышедшего на простор зимней дороги.

Автобус выбрался за поселок, вдоль дороги побежали поля, местами прошитые жиденькими рядами лесопосадок. Они только набирали силу. В полях было ветрено. Солнечно. Снег уже имел тот особый блеск, который говорит о скором приближении весны, тепла, о близком прилете грачей. Сергей любил весну, ее талые запахи, холодные лужи, в которых обалдело купаются, крича от восторга, воробьи, любил солнечные блики на стенах домов, быстрые ручьи, стремительно уносящие мусор зимы. Было за что любить весну. Ее прихода он ждал всегда с нетерпением.

Как-то ему приснился сон, будто весна прошла без него, будто он проспал ее из-за тяжелой болезни и очнулся, когда деревья шумели полной листвой и вокруг стояла летняя сушь. "А весна? Была ли весна?" - пытал он своих знакомых. Те удивленно осматривали его, удивляясь его странному вопросу, отвечали, что, конечно, весна была. И, слыша эти спокойные ответы, он, напрягая ум, все думал и думал о том, как же так случилось, что весна

прошла без него. Ему стало во сне так отчаянно горько, что он проснулся в слезах, облегченно вздыхая, радуясь, что это всего лишь сон...

Автобус шел быстро, легко. Шофер царственно восседал на высоком сиденье, слегка покачивая из стороны в сторону руль. Шофер был молод. Судя по серому бушлату, который висел у него на крючке сбоку, недавно демобилизовался из армии.

До города было теперь недалеко - об этом говорили цифры на километровых столбах. Сергей стал думать о том, куда отправиться первым делом по прибытии. Ведь он не знает, где живет сын летчика, как его искать.

Тем временем автобус вполз на гору, и Сергей увидел город, лежащий продолговато впереди, весь в белых и черных дымаках. Ему вдруг захотелось жить в этом городе, ходить с ребятами в городскую школу, бегать после уроков в кино, кукольный театр, цирк, есть мороженое, ходить на городской каток, кататься под веселую праздничную музыку, дружить с хорошей городской девочкой. Сергей всегда завидовал городским ребятам, их всезнайству.

Он верил в то, что когда-нибудь сам будет жить в большом городе, ходить по его шумным красивым улицам, будет летать над этим городом.

Сергею становится хорошо, и он тихонько про себя напевает любимую песню: "В далекий край товарищ улетает. Родные ветры вслед за ним летят..." При этих словах Сергей всегда испытывает странное чувство, будто его и впрямь поднимает над землей - и он руками, всем телом чувствует упругость воздуха.

XV

На автобусной станции было многолюдно. То и дело на площадь вкатывались автобусы, и тотчас к ним с разных сторон срывались люди. Автобус пятился назад, занимая свое место, и вместе с ним, галдя и оттирая друг друга, пятились пассажиры. Стоило лишь открыться двери, как сразу начиналась давка, каждый норовил забраться первым. Автобус на глазах оседал.

Рядом с домовитыми автобусами красовались длинные чопорные "ЗИМы" с шашечками по бокам. Но они были так дороги и красивы с виду, что пассажиры смущенно обходили их стороной. У шоферов "ЗИМов" вид был скучающий. Им, видимо, уже надоело уговаривать пассажиров. И, потеряв к ним всякий интерес, ожидая удачного случая, они грелись и дремали в своих красивых и дорогих машинах.

Вдруг рядом, из-за угла автостанции, глухо ударил барабан, и тут же разноголосо зарыдали трубы. С этими траурными звуками внутри у Сергея словно что-то оборвалось. Он всегда боялся похорон, покойников. Хотя бабушка не раз говорила: "Чего их, мертвецов, бояться! Они, мертвецы, безвредные, безобидные. Живых бойся". Но все же, когда бабушка лежала в гробу, Сергей, хотя его и подталкивали попрощаться с нею, боялся взглянуть на нее, подойти к гробу. Он боялся взглянуть на бабушку, словно бы та могла позвать к себе, поманить в ту далекую, неведомую, страшную дорогу, по которой отправилась сама.

А трубы, как бы стараясь излить всю свою боль, зарыдали еще громче, отчаянней, подчиняя себе всю улицу, заставляя людей приостановиться, оглянуться, а иных торопливо побежать на этот горестный звук, будто этот сигнал предназначался специально для них.

- Нового покойничка понесли.

Сергей вздрогнул. Сзади него в блестящей кожаной куртке, в кожаных перчатках стоял мужчина, беззаботно покручивая в руках на длинной золотистой цепочке ключ от зажигания. "Таксист с "ЗИМа", - почему-то сразу решил Сергей. Рядом с мужчиной в кожанке стояла жиденькая желтолицая женщина с блеклыми губами. Лицо ее было напряженным. Она вся как бы подалась вперед, навстречу похоронной процессии.

- Разве это похороны? - сказал таксист, быстро окидывая кучку людей, бредущих за гробом. - На днях у нас летчика хоронили. Где-то тут за городом на реактивном разбился. Одних венков штук пятьдесят было. Герой Советского Союза.

Сергей встрепенулся. Должно быть, это был его летчик. Ему вдруг захотелось сказать

этим незнакомым людям, что он знает этого летчика, что он самолично видел, как падал самолет, как они всем классом бегали на то место, где упал этот самолет. Но сейчас было не время говорить об этом. Сейчас нужно было расспросить таксиста, который, как догадался Сергей, между делом успел уже сагитировать к себе в машину худенькую женщину и мужчину в белых фетровых сапогах. Сергей заторопился вслед за ними к машине.

Шофер, видимо решив, что и он собирается ехать с ними, придержал черную блестящую дверцу "ЗИМа".

- Да нет, я не еду, вы лучше скажите, где того летчика похоронили?

Шофер поначалу удивился его вопросу:

- А зачем это тебе? Уж не родственник ли ты ему?

Была минута, когда Сергея словно бы кто подталкивал, подбивал соврать. Ему так и хотелось сказать, что этот погибший летчик, Герой Советского Союза, его родной дядя. Это желание соврать было так велико, что Сергею с трудом удалось сдержаться.

- Известное дело, где военных хоронят, - на воинском кладбище, ответил таксист. - Ты что, собираешься к нему на могилу поехать?!

- Да! - сказал Сергей.

Таксист внимательно взглянул на него.

- Ну садись, подвезу.

- Я лучше пешком, - заторопился Сергей.

- Садись, садись, - сказал таксист, - знаю, что денег нет. Да мне все равно по пути.

"ЗИМ" лихо взял с места и понесся вперед, сигналив впереди идущим машинам, обгоняя их. И всякий раз, когда шофер выворачивал руль, обходя очередную машину, их, пассажиров, как по команде, заваливало набок. Сергею никогда в жизни не приходилось ездить в такой мягкой и богатой машине, потому что к ним в поселок "ЗИМы" еще не заезжали. Да и удовольствие это, наверное, не дешевое...

Кладбище было обнесено стеной из старого красного кирпича. В глубине его стояли большие высокие деревья с чернеющими в верхушках пустынными грачиными гнездами. Над кладбищенской аркой реял гипсовый ангел.

Сергей вздохнул, вобрал в себя побольше воздуха и шагнул под арку. Кладбищенская тропинка была тщательно разметена. Она бежала к невысокой церкви, тускло сиявшей золочеными крестами. Эта маленькая осанистая церковь властвовала надо всем, что лежало по сторонам от нее. Все эти многочисленные могилы, склепы, памятники, надгробья сбегались к церкви.

Сергей огляделся по сторонам. Ни души. Все бело, все в глубоком снегу, которого в этом году навалило как никогда.

Возле церкви теснились старые могилы. Кресты на иных покосились, торчали наклонно. Видимо, уже некому было приходиться к этим могилам. Должно быть, те люди, которые когда-то поправляли эти могилы, ухаживали за ними, сами теперь лежат где-нибудь здесь.

На воинском кладбище в шеренгу, словно солдаты в строю, стояли белые оцинкованные пирамидки. Лишь у самого входа, в стороне от других и возвышаясь над ними, высился серый памятник генералу, погибшему при освобождении города в августе 1943 года.

Белые бугорки солдатских могил находились как бы в подчинении у этого памятника.

Сергей нерешительно прошел вперед, туда, где на черном камне надгробия горел серебристый контур самолета.

"Здесь похоронены летчики", - подумал он.

Осмотревшись, Сергей заметил, что у всех у них пирамидки одинаковые. С жестяной красной звездочкой наверху, с одинаковым рисунком, выбитым под фотографией, - округлое облачко, а внутри короткий стремительный самолет.

Сергея всегда пугала мысль о смерти. Иногда ему казалось, что, быть может, удастся

забраться туда, где смерть не найдет, не отыщет. Но все же, думал он, если ему и придется умереть, то пусть его смерть будет такой же красивой, как у героев, как, например, у Чкалова или Гастелло...

Вдруг среди новых могил он заметил холм, весь выложенный венками, сплетенными из сосновых веток. Эта могила в отличие от других, припорошенных снегом, свежо чернела и зеленела. Сергей подумал, что это, должно быть, и есть могила его летчика, и в ту же минуту почувствовал глухой толчок в груди.

С фотокарточки, которая проступала сквозь зелень хвои, на него смотрел молодой летчик в погонах подполковника, в фуражке с кокардой, с крылышками. На груди у летчика, слева, была Звезда Героя и множество орденских колодочек. Под фотографией было выбито: "Подполковник Сурнев Николай Григорьевич 19 18/2 22 - 19 5/3 52". Это был он! Его летчик. Как мало он пожил. Тридцать лет всего! У них даже таких молодых учителей в школе не было, как этот летчик, который уже успел повоевать, стать Героем Советского Союза!

- Мальчик, ты знал его? - Сергей вздрогнул. Он увидел по другую сторону могилы молодую женщину в черном. Сергей сразу же признал в ней горожанку. Женщина была высокая, красивая, с большими печальными глазами.

Сергей, отступив назад, во все глаза разглядывал незнакомую печальную женщину.

- Нет, - сказал Сергей, - не знал. Но он был смелым летчиком. Он хотел спасти самолет и потому не прыгнул с парашютом.

- Да, да, - тихо отозвалась она.

Сергей не знал, что ему делать, какие слова сказать этой женщине, чтобы утешить ее.

Кладбище было пустынным. Лишь изредка на старую кладбищенскую стену сыпались сверху стаи воробьев, внезапно исчезая.

- Пожалуйста, не плачьте, - попросил Сергей, - давайте я провожу вас.

Женщина чуть заметно согласно кивнула и, отняв от лица платок, виновато глядя на Сергея, пошла за ним. Они вышли за ворота кладбища на улицу, в другой мир, где по старому, слежавшемуся льду шуршали шины машин, пронзительно вызванивали и скрежетали на кольце трамваи, звонко цокали по мостовой лошади, беззаботно роняя на асфальт дымящиеся лепешки, где кричали, незлобно переругивались люди, где все было подвижным, торопилось, спешило.

Они шли медленно. Прохожие часто оглядывались, внимательно рассматривая каждого в отдельности, потому что, как догадывался Сергей, хотя они и шли по-родственному, но на родственников, конечно, походили меньше всего, настолько по-разному были одеты.

Сергею казалось, что все смотрят только на них, поэтому чувствовал себя скованно, был рассеян, чтобы запомнить ту улицу, по которой его вела жена летчика Сурнева. Летчик Сурнев? Сергей пытался вспомнить его лицо, но, как ни силился, не мог. Сурнев хотя и был героем, но лицо у него было такое, как у всех. Не было ни широких сросшихся бровей, ни крупного волевого подбородка, ни орлиного носа, ни бесстрашного геройского взгляда, как у тех бессмертных людей, портреты которых висели у них в школе.

Должно быть, когда он учился в школе, никто и не думал, что будет Героем, что станет таким смелым и бесстрашным летчиком. А может быть, он и тогда уже был непохож на всех других ребят? Может, был самым первым учеником в классе или даже в школе? Сергей словно бы забыл про время, про то, что нужно возвращаться домой. И когда увидел на углу телеграфа длинного малинового здания с колоннами - часы, то немало удивился тому, что стрелки сошлись уже на пяти. Он и не заметил, как пролетело полдня. Как же быть теперь? С сыном летчика встретиться нужно, ради него приехал сюда, но успеет ли он тогда домой?

XVI

Дверь им открыл мальчик, одногодок Сергея, худенький, остроплечий, со светлым

чубчиком. Он, видимо, был занят какими-то своими делами, и звонок и приход незваного гостя застали его врасплох. Мальчик отступил в растерянности от двери, испытующе изучая пришельца. Сергей не решался переступить порога.

- Проходи, проходи, Сережа, - сказала Сурнева, слегка подталкивая его. - Саша, познакомься и помоги раздеться.

Но Сергей, не дожидаясь посторонней помощи, сам скинул фуфайку, соображая, куда бы пристроить ее. На вешалке висели слишком дорогие и красивые пальто. И там его фуфайке было не место. Недолго думая он определил свою одежду на полу, под вешалкой.

- Зачем ты так, - тихо укорила его Сурнева, поднимая фуфайку с пола, отряхнув ее, вешая фуфайку Сергея, карманы которой отвисли, словно кули, рядом с длиннополой серой шинелью, на погонах которой горели звездочки.

Сергей заметил: как только Сурнева коснулась рукой шинели, губы ее дрогнули.

Стараясь не выдавать себя, она ушла на кухню, сказав, что, как приготовит обед, позовет их к столу.

Сын летчика повел его в свою комнату, толкнув ладонью белую дверь.

Сергей подумал, что нужно пояснить Саше, каким образом он оказался здесь, но не знал, с чего начать. Он сунул руку в карман брюк.

- Возьми, - он протянул часы.

- Отцовы? - удивился Саша. - Где ты их нашел?

- Там, в лесу, - махнул рукой Сергей, - за нашим поселком.

- И больше ничего? - спросил с надеждой Саша.

- Нет, - ответил Сергей.

Саша приложил часы к щеке.

- Идут, - сказал он.

- Идут, - согласился Сергей.

Сашина комната была узкой и длинной. У окна стоял письменный стол, как у взрослого. На углу его глобус, чуть поменьше их школьного. В комнате также стояла красивая никелированная кровать и высокий книжный шкаф. Он весь плотно был забит книжками с разноцветными толстыми и тонкими корешками. "Неужели он все это прочел?" - в изумлении подумал Сергей, уважительно косясь в сторону своего нового товарища.

- Иди сюда, - позвал Саша, - посмотри!

И тут Сергей увидел за Сашиной кроватью, у окна, на тумбочке, большой корабль с блестящим винтом под днищем, со всякими надстройками на палубе, с капитанским мостиком, с фальшбортом, кнехтами, якорем, со всем тем, что должно быть на настоящем корабле.

- Это мне отец на День Советской Армии подарил. Только вот мачту не успел доделать.

Саша положил корабль на кровать. И он - большетрубый, белый, весь такой нарядный и праздничный - на синем покрывале был как посреди моря.

Сергей во все глаза смотрел на корабль. Жаль, что не его! Он бы весной пустил его по ручью через весь поселок, написав по всему белому борту корабля красной краской: "Летчик Герой Советского Союза Сурнев", чтобы всюду, куда ни поплывет его корабль, знали об этом человеке.

А Саша тем временем протягивал ему большую картонную коробку, доверху набитую разными значками, звездочками от погон, погонами от лейтенантских до майорских, кокардами, петлицами. Все это было его, и все это он носил. Сергей подумал, что это, должно быть, нехорошо, некрасиво, что этого делать нельзя, но он не мог удержаться, чтобы не спрятать в карман серебряную птичку с его петлицы.

Он не знал, зачем он это делает, но считал, что это нужно, и потому как бы оправдывал себя за этот поступок. Хоть эта серебряная птичка будет у него памятью о летчике.

Саша продолжал открывать другие ящики стола, показывая все новые и незнакомые ему вещи. Он подал ему компас, стрелки и деления которого были покрыты фосфором. Прикрыв компас ладонью, Сергей увидел, как таинственно и волшебю зеленовато-желтым светом горят стрелки. Сергей подумал, что, должно быть, летчик брал этот компас с собой в ночные полеты, чтобы не сбиться с пути. К днищу компаса была прикреплена маленькая линейка с крохотными миллиметровыми делениями. Должно быть, для того, чтобы можно было измерить расстояние по карте.

Потом Саша, приставив стул к книжному шкафу, достал потертый планшет с зажелтевшим целлулоидом и шлем.

- Это у него еще с войны...

Сергей натянул шлем, подумав, что и его отец носил такой же... Еще он подумал, что его отец мог знать отца Саши, летчика Сурнева, что, может быть, они служили в одном полку или эскадрилье, вместе летали бить немцев. Сергей хотел сказать Саше, что и его отец тоже был летчиком, но погиб на войне. Но тут Саша протянул ему белый рваный кусок металла с острыми краями.

Сергей в растерянности повертел кусок в руках, потрогал его пальцами, стараясь угадать, что же это может быть.

- Дюралюминий, - сказал Саша, - из него был сделан новый самолет отца...

"Неужели это все, что осталось от его самолета?" - подумал Сергей, ощущая легкую холодность металла, только теперь догадавшись: солдаты копали тогда яму в лесу, должно быть, для того, чтобы собрать вот эти осколки.

В эту минуту в коридоре требовательно затрещонил звонок.

- Это к нам, - сказал Саша, торопливо запихивая в карман брюк кусок сплава.

По шуму и топоту, что слышались в коридоре, Сергей решил: пришел кто-то большой и сильный. Он громко кричал, раздеваясь, вытирая ноги о половик.

Сергей весь напрягся, ожидая незнакомою человека.

- Дядя Андрей Косаревский, - сказал Саша, возвращаясь в комнату.

Из кухни доносились приглушенные голоса.

- Слезами, Аннушка, горю не поможешь, - услышал Сергей голос Косаревою. - Если бы этим можно было его вернуть. Возьми себя в руки, дорогая... Тебе о сыне теперь думать нужно, как на ноги поставить, как вырастить достойным человеком.

Сергей подумал, что, пожалуй, нехорошо прислушиваться к разговору взрослых. Саша, видимо, тоже думал об этом. Он прошел к двери, прикрыл ее.

Глаза у Саши были грустные. Он, видимо, снова вспомнил о том, что нет у него больше отца - смелого военного летчика, что остались ему на память об отце только медные пуговицы, кокарда, звездочки да рваный кусок металла от последнего самолета.

В дверь постучали. Слегка сгорбившись, вошел высокий человек с большим красным лицом. Сергею вдруг показалось, что он знает этого рослого человека, что он уже видел его, когда тот прилетал на лесную поляну на своем двукрылом самолете. Не было сомнения в том, что этот большой человек - летчик. Такие коричневые кожаные куртки на "молниях" бывают только у летчиков...

Косаревский долгим, внимательным взглядом обвел комнату, словно оценивая обстановку. Его взгляд споткнулся на корабле, стоявшем посреди кровати. Он слегка нахмурился, подвигал бровями. Все в этой комнате напоминало ему о погибшем друге. И белый недостроенный корабль, и картонная коробка на полу, в которой тускло светились разные железочки.

Косаревский молчал, и его молчание угнетало.

"Поскорее бы он ушел", - подумал Сергей, но, взглянув на него, понял, что Косаревскому хочется заговорить с ними, с Сашей, но он, пожалуй, не знает, с чего начать.

Косаревский обернулся к двери, словно боясь, что его там, на кухне, услышат.

- Хочу покатать тебя и дружка твоего на самолете. Посмотрите, какая она сверху,

земля. Машину я для вас самую лучшую выбрал. И завтра к двенадцати жду в аэроклубе. Только о нашем разговоре матери ни слова. Сам догадываешься, почему... - Косаревский крепко пожал им по очереди руки и тяжело зашагал в коридор, пригнув голову, словно боясь задеть притолоку, хотя та и была высокой. Но видно, у него уже выработалась такая привычка.

Летчик был таким большим, что, когда скрылся за дверью, комната стала просторней, светлее и даже как бы выше. Сергей все еще не мог прийти в себя от услышанного. Он будет летать на настоящем самолете. Только как же быть? Ведь он должен сегодня уехать домой.

- А ты матери позвони, - посоветовал Саша, - скажи, что задержишься в городе, что заночуешь у нас. Она тогда волноваться не будет.

Сергей недоверчиво посмотрел на Сашу. Мать с ума сойдет, когда узнает, что он здесь, в городе...

- Если ты боишься, давай я позвоню, - предложил Саша.

- Не надо. У нас все равно дома телефона нет, - угрюмо отозвался Сергей.

Хотя, конечно, он мог бы позвонить ей вечером в райисполком, когда мать придет туда убираться, или позвонить на почту и попросить, чтобы мать позвали к телефону. Почта рядом с их домом, и почтовикам позвать мать ничего не стоит. Ведь бегают же телефонистки звать соседа.

- Оставайся, - видя его нерешительность, сказал Саша. - Если ты пропустишь один день, ничего с тобой в школе не сделают. А матери потом все объяснишь. Хочешь, мы ей телеграмму пошлем. Это даже лучше, чем по телефону. Оставайся! На моей кровати ляжешь. Я тебе вечером цветные диафильмы покажу. А завтра будем весь день летать на самолете. Ты еще не знаешь, какой летчик дядя Андрей Косаревский! Отец всегда говорил, что такого летчика, как дядя Андрей, еще поискать. Они вместе с отцом всю войну летали, он у отца даже инструктором был, когда отец летать учился. Он бы и на реактивных сейчас летал, да из-за руки не взяли. На фронте немцы перебили. Его и в аэроклуб инструктором не хотели вначале брать. Но он в Москву поехал и всем доказал, что может летать. И тогда ему разрешили. А сейчас в аэроклубе учит курсантов.

Тут Сергей вспомнил, что о летчике Косаревском много рассказывал Юрка Должиков и другие ребята, которые занимались в аэроклубе. Так что выходит, он о Косаревском знал давно. И как же теперь ему не полетать с таким летчиком. Ребята из их школы, наверное, лопнут от зависти, когда узнают об этом.

Сергей решил заночевать в городе. Будь что будет! Пусть даже его из школы выгонят, если уже не выгнали, пусть мать делает с ним все, что хочет.

Мысли Сергея были уже там, возле самолета, на летном поле. Он уже представил себе, как сядет в кабину самолета, как будет трогать всякие ручки и рычаги, как разбежится вдоль поля самолет, унося его в небо.

XVII

День выдался теплым, тихим. С утра стоял туман, но к обеду рассеялся, открылись дали, небо стало просторнее, выше. С крыш на тротуары сыпались веселые холодные капли, обрывались и разлетались на десятки прозрачных осколков отяжелевшие сосульки.

Они шли по самой длинной, главной и красивой улице города. Где-то в середине этой улицы, как объяснил Саша, находился аэроклуб. Шли долго, и Сергей начал тревожиться, не просмотрели ли они его, все время болтая, глаза по сторонам. Но Саша был спокоен, и Сергей тоже успокоился.

Предстоящие полеты, как и обещали Косаревскому, держали в строгой тайне. До двенадцати было уйма времени, и они отправились на вокзал смотреть на проходящие поезда.

Поезда появлялись из-за поворота, выгибаясь дугой, скрежеща тормозами, обдавая мелкой снежной пылью, окатывая холодным воздухом, будоража разные чувства и желания,

самым сильным из которых было желание прицепиться за любой вагон и уехать в любой из тех неведомых, незнакомых городов, названия которых мелькали перед глазами.

Они вдосталь настоялись, намерзлись на платформе, встречая и провожая поезда дальнего следования, которые втаскивались на станцию мощными неуправляемыми "ИСами". Кроме "Иосифа Сталина", выкрашенного в серебристый цвет, Сергея удивил и взволновал другой, под стать "ИСу" паровоз - такой же огромный и длинный. Паровоз этот назывался "ФЭДом" - "Феликс Дзержинский". В отличие от "ИСа" он был выкрашен в черное и таскал неимоверно длинные товарные составы по самым дальним от вокзала путям. Проходил "ФЭД" молчаливо, угрюмо, оставаясь безучастным к вокзальной суете, к сутолоке на перронах, к лоску и блеску дорогих спальных вагонов, ярко горевших на солнце надраенным металлом поручней, металлических обкладок вдоль окон, всякими продолговатыми полосками по бокам вагонов...

С вокзала они решили пойти пешком через весь город.

- Пришли, - сказал наконец Саша, когда они поравнялись с небольшим двухэтажным зданием, выкрашенным в зеленый цвет.

Сергей никогда бы не подумал, что именно здесь располагается аэроклуб. Здание аэроклуба представлялось выше, больше, наряднее. И вообще не таким. В рассказах ребят-десятиклассников, которые ездили сюда на занятия, дом этот был окружен тайной. Тут же ничего таинственного не было. Сергей надеялся увидеть перед зданием или во дворе самолет, но его не было и в помине. Сергей думал, что Саша поведет его в это здание, что они будут ходить по лестницам, заходить, заглядывать в разные комнаты, разыскивая летчика Косаревского, но он сам первый увидел и окликнул их, появившись из-за угла этого двухэтажного домика.

- Ценю точность, - приветствовал их Косаревский, обнимая обоих за плечи. - Пока все у нас идет хорошо. Начальник дал добро. Теперь нужно одеть вас.

Косаревский повел их во двор аэроклуба, на ходу окликая толстого маленького человека, который куда-то торопливо катился.

- Горбылев! - крикнул Косаревский.

- Аюшки, - тотчас, будто бы знал, что именно в эту минуту кому-то понадобится, отозвался Горбылев, неуклюже поворачиваясь к ним, приветливо, как старым знакомым, кивая.

- Начальник приказал выдать этим орлам летную форму.

- Ну что ж, - покорно согласился Горбылев, будто и этот приказ ему наперед известен.

- Следуйте, ребята, за мной.

Горбылев выкатился вперед, оттягивая дверь на толстой пружине, пропуская их, поясняя, что пружину они поставили новую, она еще не обтерлась и стреляет так, что наверху у начальника слышно. Затем Горбылев повел их под лестницу, к обитой железом толстой двери. Отыскивая ключ в кармане, ковыряя им в навесном амбарном замке, он той минутой как бы снимал с каждого мерку.

- Выдам я вам, ребята, по сорок шестому размеру. Меньше у нас нету. Наденете прямо поверх своего. Да так и теплее в воздухе будет. Унты для вас тоже велики, ну да вы газеткой ноги обернете, и лады! Совсем как в печке.

- Ты только побыстрее, Горбылев, - торопил его Косаревский, - а то мы к полетам опоздаем. А ребятам сегодня экзамен сдавать, понял?

- Как не понять, яснее ясного, что для них сегодняшний день важный, отозвался Горбылев.

- Ты им и шлемофоны не забудь, - подсказал Косаревский.

- Как же, и шлемофоны выдам. Все по норме, как положено. - Горбылев одел их в теплые куртки, подвернул рукава, повертел из стороны в сторону, критически осматривая. - Ну вот, теперь хоть на Северный полюс, к белым медведям, - отметил он довольно. И, глядя уважительно на Косаревского, сказал: - Смена идет, товарищ командир.

- Смена, Горбылев, смена, - согласился Косаревский.

XVIII

Сергею никогда не приходилось видеть сразу столько самолетов. Они стояли по порядку, крыло к крылу. Возле некоторых из них сустились люди, торопливо расчехляя, раздевая их. Самолеты были темно-зелеными, с красными звездочками на стабилизаторах. Сергей внимательно оглядывал их. В том, что это "Яки", не было никакого сомнения. Сергей подумал: может быть, эти самые "Яки", которые выстроились здесь, на поле, воевали, бросались сверху на немецкие "юнкерсы", беспощадно поливая их огнем. А теперь вот на этих боевых машинах полетят они с Сашей.

Сергей сразу же почувствовал, что не только они, но и старые опытные летчики с большим нетерпением ждут начала полетов. Эта минута, как догадался он, вот-вот должна наступить. Летчики курили все чаще и все пристальнее присматривались к действиям аэродромных рабочих, которые сновисто возились возле самолетов.

Косаревский, который на время куда-то отлучался, вернулся с двумя серо-зелеными парашютными ранцами.

- Ну вот, скоро и полетим, - сказал он, придвигая ногой парашюты.

"Неужели они сегодня будут еще и прыгать с парашютом", - подумал радостно Сергей. Только он не знает, как пользоваться им.

Косаревский, словно прочитав мысли Сергея, приподнял с земли парашют:

- Смотрите, как это делается. Дернул вот за это колечко - и пари себе на здоровье под небесами. Правда, летчики не обожают парашют. Все больше надеются на своих лошадок. Как говорится, хорошо ковбою, если у ковбоя лошадь хороша. А мы на своих лошадок пока не обижаемся. Посмотрите, какие красавцы. - Косаревский сделал широкий жест в сторону самолетов. Парашют - крайняя мера. Когда уже ничего другого не остается. А так он лишняя обуза.

"Вот и Сурнев, должно быть, так рассуждал, - подумал Сергей, - и поэтому постыдился воспользоваться парашютом, надеясь посадить, спасти самолет". Думая о Сурневе, представляя себя на его месте, он решил, что и сам поступил бы так же...

- Ну как, готовы? - услышал Сергей густой глуховатый голос.

К ним подошел сухой жилистый человек в кожаной коричневой куртке с лицом осунувшимся, усталым, с синеватыми подтеками под глазами.

Косаревский кивнул, улыбнулся этому человеку:

- У нас полный порядок!

- Тогда с богом! - сказал подошедший человек.

Косаревский поднял с земли парашюты.

- Кто первый? - спросил он, внимательно оглядывая каждого.

Сергею, конечно, очень хотелось быть первым. Но Саша имеет больше прав на это. Ему первому и лететь. А уж Сергей потом, после него. Если бы не Саша, то ему бы сегодня не удалось попасть сюда. Ведь летчик Косаревский собирался покатать одного лишь Сашу, а его, Сергея, пригласили как бы за компанию. Кто он Саше? Просто знакомый. И только.

- Ну, так решили? - спросил нетерпеливо Косаревский.

Сергей, чтобы не мозолить глаза, отошел в сторону, молчаливо уступая право первого Саше.

- Ладно, - вздохнул Саша, - лети первым.

Косаревский зашагал к самолету.

Сергей постоял в нерешительности, а затем, словно испугавшись того, что Саша передумает, бросился вслед за летчиком, бухая просторными унтами.

Самолет готов был поднять их в воздух. Косаревский забрался на крыло, резким движением отодвинул фонарь, бросил внутрь кабины парашюты. Сперва свой, на первое

сиденье, затем его, во второй отсек, на место курсанта, где теперь надлежало сидеть Сергею.

- Давай забирайся, - Косаревский подвинулся на плоскости.

Сергей положил локти на крыло, подтянулся, забросил ногу и, опершись на крыло, окончательно забрался на плоскость.

- Теперь таким же манером в кабину, - приказал Косаревский, поправляя в Сережкиной кабине парашют, на который он должен был сесть. Сергей и не подозревал раньше, что у летчиков парашют как бы вместо сиденья.

Он залез в кабину, уселся на парашют. Косаревский пропустил лямки между ног, на ходу подтягивая парашют, защелкивая замки. По всему было видать, что полет у них ожидается самый настоящий. Косаревский хитро подмигнул ему и тоже забрался в самолет.

Сергей жадно осмотрел свое место. Прямо перед ним, между ног, торчала широкая ручка, похожая на обрубленную саблю. Сергей потянул на себя ручку, но тут же, испугавшись, как бы чего не случилось, поспешно отпустил ее.

К самолету подбежал человек в промасленной куртке, видимо моторист, ухватился за винт, покачал его из стороны в сторону, потянул на себя и отскочил прочь. Замельтешили перед лицом лопасти винта, послышалось чиханье, раздался резкий, внезапный выстрел и вслед за ним рокот. По мотору было слышно, что самолет с каждой минутой возбуждается все больше и больше, нервно, судорожно вздрагивая от сладкого предчувствия.

Косаревский поднял руку, прося взлета. Сергей беспокойно посмотрел по сторонам, отыскивая Сашу. Он вместе с другими стоял у длинной коричневой стены деревянного барака, непрестанно глядя на их самолет, щурясь на солнце. Сергей махнул ему рукой, чувствуя в груди какую-то радостную пустоту. Ему захотелось вдруг крикнуть во все горло: "Смотрите, я сижу в самолете! Смотрите, я сейчас полечу!" И Сергей снова пожалел о том, что никто из ребят их школы, никто из учителей не видит его в этой летной одежде, в этом красивом красноразветном самолете. И самое обидное, что вряд ли поверят тому, что это было с ним, что он летал вместе с летчиком Косаревским, что на нем был надет парашют, что на нем был шлемофон, унты, зимняя летная куртка.

И вот они получили разрешение на взлет. Косаревский задвинул фонарь, под которым Сергей сразу же почувствовал себя как под колпаком, самолет, слегка дернувшись, побежал вперед по полю, обдувая с него снег, поднимая поземку. Затем на какую-то долю секунды самолет приостановился, развернулся, мотор его заработал быстрее, звонче, винт, яростно вращающийся, уже невозможно было рассмотреть. Кабину охватила легкая дрожь. Затем Сергей почувствовал, как какая-то неудержимая сила потянула самолет на себя, и тот, не в силах больше сопротивляться, последовал за ней. В тот же миг Сергей ощутил под собой пустоту и понял - они уже в воздухе, уже летят, поднимаясь все выше и выше. От радости сердце у него подкатывалось к самому горлу. Он чувствовал упругость воздуха чувствовал, как крылья опираются на него, вздрагивая, как бы преодолевая все новые и новые ступени.

В мегафоне затрещало, и Косаревский чужим голосом спросил:

- Ну как?

Сергей даже не нашелся что ответить. Ему было хорошо. Так хорошо, как никогда.

Он летел. Впервые в своей жизни, Он летал иногда во сне. Но наяву это было в сто раз интереснее. Нет, не зря мечтал он стать летчиком.

Густой сильный голос Косаревского растолкал посторонние шумы в наушниках:

- Идем в зону!

Значит, они сегодня будут не только летать, но и делать фигуры высшего пилотажа?

Широкий ремень, которым Сергей вместе с парашютом был пристегнут к сиденью, не давал возможности приподняться. Прильнув вплотную к фонарю, он старался рассмотреть, что делается там, на земле, по которой ходил раньше и над которой впервые летит. Все отсюда, сверху, было неожиданно и интересно. Ему показалось, что дальний край земли, который удалось увидеть, поворачивается тихой патефонной пластинкой, извлекая из его груди давнюю сладостную мелодию. Они ле-те-ли! Над миром, над землей, надо всем.

Прямо под ними прямыми соломинками лежали рельсы железной дороги. Отсюда она больше всего походила на лестницу, переладины которой упрямо одолевал паровоз, торопливо забирающийся куда-то вверх.

Медленно уходил в сторону неизвестный поселок, дома его, казалось, были поставлены вдоль линейки. Они качнули кому-то крыльями и пошли к лесу, который отсюда казался прореженным - так редко стояли здесь деревья. Их можно было считать.

- Мы в зоне! - крикнул в мегафон Косаревский, тут же качнул самолет, и Сергей увидел под крылом стоящую как бы на отшибе, поодаль от деревни, сельскую церковь, что, по-видимому, служила ориентиром для летчиков.

Сергей даже не успел сообразить, что это такое, как самолет резко завалился набок, и то небо, что было над головой, вдруг переместилось под ноги, и ему подумалось, что они провалятся сейчас в эту бездонную глубину. Но так же скоро небо уступило место земле.

- "Бочка", - пояснил Косаревский, - мы еще разок-другой прокрутим.

И снова они зависали над глубоким небом, сиявшим какой-то неожиданной, неведомой раньше голубизной.

- Не страшно? - спросил Косаревский, возвращая землю на место. - А сейчас - "горка"!

И самолет действительно будто с горки помчался стремительно вниз. Было радостно и жутковато от этого быстрого падения, приближающего землю и разрозненно стоявшие на ней предметы - длинный вытянутый сарай, скирду сена, деревья.

Косаревский потянул ручку на себя. Самолет круто полез вверх. Что-то тяжелое вдавило Сергея в сиденье. Глазам стало тесно в орбитах. "Перегрузка?" - подумал он. А самолет все продолжал отвесно забираться вверх, и мотор его работал все звонче и звонче.

Но вот они снова в обычном полете, снова под ними спокойно проходит земля, из конца в конец покрытая белым снегом, уставленная березами и осинами. Какое, однако, счастье жить на свете, быть человеком, который может сделать все, что захочет. Может стать птицей, чтобы вот так безбоязненно кувыркаться в небе... Как все-таки здорово летать, забираться вверх, падать к земле, вновь ввинчиваться в небо, испытывая попеременно то страх, то радость, побеждая страх, подчиняя себе высоту неба...

Будь его воля, он бы все дни напролет проводил в самолете. В небе.

В наушниках дробились разные голоса и звуки, стучала морзянка, сквозь ее писк иногда прорывалась музыка, мужской голос нудно произносил цифры. Кто-то упорно твердил: "Я шлямбур, я шлямбур". Все это: голоса в наушниках, гудение мотора, легкое подрагивание самолетных крыльев, нестерпимый блеск солнца, которое, казалось, стало ближе, весенняя бездонность неба, - все это было той жизнью, о которой мечтал Сергей и которая, кажется, для него начиналась. Он будет, обязательно будет летать. Во что бы то ни стало! А если его выгонят из школы, он придет сюда, к летчикам, на аэродром, и станет делать все, что они прикажут. Укутывать самолеты брезентом, качать винт, топить печку в каптерке, носить воду... И будет учиться. Он станет летчиком таким, как они. Будет на равных с ними курить "Беломор", говорить о погоде, спорить о последних хоккейных матчах, в которых участвовала его любимая команда.

Но вот они снова над аэродромом. Сергей увидел внизу темнозеленые самолеты, длинный коричневый барак, стайку людей возле него, среди которых опознал Сашу.

Самолет наклонился так, словно собирался кого-то клюнуть, мотор затурхал, и они тихо соскользнули с неба, покатали по белому полю аэродрома, которое какое-то время казалось продолжением неба. Но вот самолет остановился совсем. Винт по инерции сделал последние обороты. Косаревский сдвинул фонарь, и свежий свободный ветер рванулся в кабину, заполняя ее. Косаревский, выбравшись из кабины, отстегнул ему ремни, помог выбраться на крыло.

- Ну как самочувствие, орел?

Сергей улыбнулся.

- Молодец, - похвалил Косаревский, - выношу благодарность за мужество и хладнокровие.

Через поле к самолету уже спешил Саша. Ослабевший Сергей сполз на крыло. Ноги словно перестали слушаться. Не успел сделать шага, как его качнуло, и он сел в снег. Он встал, опираясь на руки, но земля, странное дело, поплыла куда-то в сторону, отодвигая все дальше и дальше от него самолет. Сергей не чувствовал ног. Он вставал и тут же падал, смутно догадываясь, что его с непривычки укачало.

Подбежавшие летчики отряхивали его, весело смеялись: "Так то, брат, летать!" Сергею было стыдно за себя. Но летчики смеялись так беззлобно и заразительно, что он и сам не выдержал - рассмеялся, представив, как смешно выглядит со стороны!

- Будет летчик! - уверенно заявил Косаревский. - Поверьте старику.

Сергею показалось, что пилоты посмотрели на него с нескрываемым уважением.

- Только старайся хорошо учиться, чтобы мы могли тебя с полной уверенностью в летное училище рекомендовать.

Косаревский невольно напомнил ему о школе, о занятиях. И ему вдруг захотелось в поселок, в школу. Теперь-то он твердо знал, что ему нужно делать. Он должен учиться! Только тогда он сможет стать таким, как Сурнев, как Косаревский, как эти летчики, что тесным кругом стоят возле него... Сегодня он возвратится домой, к матери, чтобы затем навсегда вернуться сюда...

А самолет с Косаревским и Сашей Сурневым уже уходил ввысь, с каждой минутой уменьшаясь в размерах, тая вдаль, оставляя за собой лишь звук. Прислушавшись к нему, можно отыскать и чуть заметную точку, которая уносила вдаль его нового друга, уносила в ту голубень и безбрежность, откуда сюда, на землю, только что опустился он.

И вот сейчас, радостный и веселый, стоит он среди самых необыкновенных людей, которые приняли его к себе. Они шутливо спрашивают, что там нового в небе. Сергей не знает, как и что отвечать, он еще теряется среди них, но ему просто, легко и хорошо среди этих людей. Разговоры их понятны Сергею, как и молчание, когда они напряженно вглядываются в ту часть неба, где тихо истаивает знакомый родной звук.